

ПИСЬМА И. П. НОВОСИЛЬЦОВА К А. А. ФЕТУ

(1883—1890)

Часть 1

(1883—1884)

Публикация Е. В. Виноградовой

Иван Петрович Новосильцов (1827—1890), близкий друг А. А. Фета и его сосед по имени Новоселки Орловской губ., принадлежал к роду, корни которого восходят к XVIII веку.¹ Иван Новосильцов, орловский мещанин, поступил на военную службу к императрице Елизавете Петровне и приобрел дворянство с обер-офицерским чином. Его сын, Петр Иванович, родившийся в 1744 г., начал карьеру канцеляристом, а в 1780 г. был уже губернским прокурором в Орловском наместничестве, затем Петербургским вице-губернатором, генерал-провиантмейстером при Екатерине II, при Павле пожалован в тайные советники и назначен в Сенат, а через два года сослан «в свои отдаленные от столицы деревни». При Александре I он вновь принят на службу в Сенат и пожалован в действительные тайные советники. Он был женат на Екатерине Торсуковой, сестре обергофмейстера А. А. Торсукова. Из шести сыновей Петра Ивановича Новосильцова двое, Николай и Петр, сделали блестящую карьеру: Николай Петрович служил в министерстве юстиции, позже он — губернский прокурор, затем советник при Марии Федоровне, товарищ министра внутренних дел, сенатор; Петр Петрович — адъютант московского вице-губернатора, действительный статский советник, камергер и московский вице-губернатор. Петр Петрович был соседом Шеншиных по имению: Новоселки Шеншиных находились в нескольких верстах от родового поместья Новосильцовых. Именно там, в Новоселках, и увидел впервые А. А. Фет отца своего будущего друга — Петра Петровича Новосильцова. Его сын, Ванечка Новосильцов, рано остался без матери: Настасья Павловна Новосильцова (урожд. Мансурова) умерла в 1830 г. Двоих детей, сына Ивана и старшую дочь Екатерину (в будущем — княгиня Вяземская; 1825—1858), воспитывала родственница, жившая в доме Новосильцовых, и домашние гувернеры и учителя.

¹ В некоторых современных публикациях фамилия Новосильцов часто пишется как Новосильцев, а это неверно: все Новосильцевы происходят от Юрия Новосильца — сына Юрия Шалого, выходца из Швеции, поселившегося в России в XIV в. (см.: Российская родословная книга / Изд. П. Долгорукова. СПб., 1857. С. 168—169).

ля. Иван Петрович в своих письмах к Фету с благодарностью вспоминал своего воспитателя, немца Фелькеля, после смерти которого помогал его матери.

«Я знаю личности, которые, как Акакий Акакиевич в „Шинели“, любили находить свое имя напечатанным в адрес-календаре, любят себя или своих видеть напечатанными в книге! Я не из тех», — гордо писал Новосильцов Фету в ноябре 1889 г. Действительно, сведения о нем в архивах крайне малы, и что-либо узнать о его карьере оказалось возможным — парадокс — как раз в адрес-календаре, а о его личности — в его письмах к Фету и — совсем немного — в книге Фета «Мои воспоминания» (М., 1890). Имя И. П. Новосильцова появляется в адрес-календаре в 1851 г., когда он начал служить в Министерстве иностранных дел третьим секретарем в канцелярии. В 1855 г. он титулярный советник, младший секретарь при посланнике в Гааге, в 1856 г. — в Вене, в 1857 г. — уже в придворном штате, в звании камер-юнкера. В последующие годы он статский, затем тайный советник, чиновник особых поручений при вице-канцлере А. М. Горчакове и наконец шталмейстер императорского двора.² Новосильцов сделал блестящую карьеру при дворе, был владельцем имений в Орловской губернии (самые крупные и самые любимые им — Воин и Шеино), ему принадлежал дом на Миллионной ул. в Петербурге, доставшийся в наследство от дяди Николая Петровича. Именно в этот дом приезжал с отцом Фет в детстве по совету Петра Петровича Новосильцова, чтобы от Николая Петровича получить записку к Жуковскому с просьбой помочь поступить мальчику в Дерптский университет. Племянник Николая Петровича — Иван Петрович Новосильцов, у которого не было жены и детей, стал Фету преданным другом и всю жизнь благодаря своим связям при дворе помогал ему. И помощь была немалая: в 1873 г. через Новосильцова Фет подал прошение царю с просьбой о возвращении ему родового имени Шеншина и наследовании дворянства. Публицистические статьи Фета «Наши корни», «О нашем сельском самоуправлении», «На распутии» получили распространение и возможность быть напечатанными благодаря помощи Новосильцова, а рукописный экземпляр «Наших корней» был читан самим Александром III. Новосильцов был одним из первых читателей сборника стихотворений Фета «Вечерние огни», его переводов Горация и Ювенала. И снова благодаря связям Новосильцова и его переговорам с министром просвещения И. Д. Деляновым удавалось избежать длительной волокиты с цензурой для скорейшего выхода этих книг в свет (Горация Фет посвятил памяти императора Александра II, и именно согласование текста посвящения задерживало выход этой книги). «Я не я буду, если не помогу тебе, — писал Новосильцов Фету, узнав о затруднениях цензуры при разборе Ювенала, — странно, ежедневно печатают всякую мерзость в газетах, а про переводы Ювенала появляется какая-то скромность — не сообразишь системы!» (см. письмо 24).

К сожалению, писем Фета к Новосильцову не сохранилось. Письма же Новосильцова к Фету находятся в разных архивохранилищах: в Российской национальной библиотеке — 57 писем, написанных в разное время с 1865 по 1889 г.; в Российской государственной библиотеке — 15 писем Новосильцова к Фету за 1882 год. В Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) 102 письма Новосильцова к Фету поступили в 1921 г. в составе архива Фета, купленного у его наследников. Ценность этого комплекса писем, написанных с 1883 по 1890 г., заключается в том, что они дают особенно важный материал для нашего представления о тех событиях, которые происходили в 1880-е годы в жизни А. А. Фета.

² Шталмейстер (от нем. Stallmeister — начальник конюшни) — придворный чин, принадлежащий к третьему классу Табели о рангах, после обер-шталмейстера, возглавлявшего Придворную конюшенную часть. Обычно шталмейстеры были знатоками лошадей, к их ведению также относились придворные экипажи; во время парадных выездов они должны были помогать императору и императрице садиться в карету.

Публикуемые письма И. П. Новосильцова к А. А. Фету охватывают особенный период жизни обоих — последние годы жизни, годы признания и относительного благополучия. Однако в их переписке, судя по письмам Новосильцова, не преобладает «житейский элемент» пожилых людей, им свойственна многотематичность: свободный переход от перечисления светских дел (упоминаемых как бы между прочим) к преобразованиям в имении, и далее — к преобразованиям в России. Здесь Новосильцов и Фет единомышленники, их волнует будущее России при новом императоре Александре III, состав Государственного Совета, земельные и судебные реформы. Публицистические статьи Фета, подписанные псевдонимом «Деревенский житель», Новосильцов не только читал одним из первых, но и обсуждал их с автором, а присланные экземпляры распространял «среди достойных людей», т. е. в придворных кругах, стараясь тем самым склонить сильных мира сего к исправлению политического и экономического положения страны после реформы 1861 года. И Фет, и Новосильцов, имея богатый жизненный опыт, очень хотели, чтобы их мысли об устройстве России, о реформах Александра II, которые следовало «поправить», дошли до нового императора.

В публикацию вошли письма, хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ (№ 20288 (1—4)). Текст писем приводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, сохранено подчеркивание в тексте Новосильцова. Трудночитаемые слова даются в угловых скобках. Автор выражает сердечную благодарность Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной и И. В. Федоровой за помощь в подготовке публикации.

1

17 февраля (1 марта) 1883 г. Петербург

Февраля 17-е 1883.

Дворцовая набережная № 26.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сейчас только с императорским поездом вернулся с границы прусской, куда провожал великую княгиню Марию Александровну и герцога Эдинбургского.¹ Проводив их, я дернул на Тракенский конский завод в Пруссии,² осмотрел и хотел поучиться — надеюсь, съездил с пользой.

Пишу к тебе несколько слов привета, как прибывшему, очень желаю тебя видеть, постараюсь поскорее побывать у тебя, я же сам обыкновенно люблю быть дома часу до второго, в час завтракаю скромно. Будь здоров — и до скорейшего, надеюсь, свидания.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Угол Надеждинской и Артиллерийского переулках дом графа Коновницына.

Г-же Галаховой.

Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели отсутствуют (вырезаны).

¹ Сестра Александра III, великая княгиня *Мария Александровна* (1853—1920), в замужестве герцогиня Эдинбургская, с 1874 г. жила в Англии, но не прерывала связей с Росси-

ей и часто приезжала на родину вместе с мужем и детьми; в феврале 1883 г. она и ее муж *Альфред Эрнест Альберт*, герцог Эдинбургский, находились в России. В обязанности шталмейстера входило сопровождать высоких гостей, встречать у российской границы и затем провожать до границы при отъезде.

² Имеется в виду конский завод Гросс-Тракенен, основанный в 1732 г., где была выведена знаменитая тракененская порода лошадей. Ныне пос. Ясная Поляна Нестеровского р-на Калининградской обл.

2

15 (27) апреля 1883 г. Петербург

С.-Петербург. Дворцовая набережная № 26.

Апреля 15. 1883.

Любезный друг, очень рад был иметь от тебя весточку из Воробьевки — и, благодаря Бога, вести хорошие, — что жив, здоров и занят любезным тебе делом, — само собою разумеется, что я, как всегда и во всем, рад послужить тебе по мере способностей. Понимаю и сочувствую, что тебе не хотелось бы делать посвящения отцу покойному,¹ не уведомив о том сына благополучно здравствующего — скажу более — не испросив на посвящение его согласия; я не знаю правил цензурных, но полагаю, что «разрешение» нужно; теперь я бы так сделал: написал бы письмо на высшее (так! — *Е. В.*) имя, приложив к нему проект текста посвящения, уж во всяком случае не «тени» усопшего — «памяти» его. Слово тень и самое понятие поддается зломудрствованию — что это за «тень»? Извини меня за откровенное, без обиняков высказанное мнение: дело в том, что я, не откладывая в долгий ящик, сейчас же по получении твоего письма — пустился на поиски, хотелось узнать, как и что, через кого придется действовать. Всего лучше через министра народного просвещения,² который доложит государю письмо твое и проект посвящения и тебе же ответит официально. Я же, многогрешный и смиренный раб Божий, получу все это от тебя, поеду к Делянову и попрошу — и будет дело сделано, Бог даст. Я хотел было сделать скорее и на днях, т. е. 3-го был у одного друга, которому прочел твое посвящение, — он сочувствует направлению и основанию — иначе не был бы мне другом. Но при чтении, а потом и при соображениях, через кого действовать, выражение «тени» мы окритиковали. Вот я тебе и отписываю тотчас же, сегодня в Страстную пятницу, несмотря на утомление от церковной службы — не хотел откладывать, поминая пословицу

Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen immer träge Leute!³
а я не ленивый и не лукавый.

Вчера я получил назначение состоять на время коронации при эрцгерцогине Австрийской,³ прибывающей на время коронации.⁴ Это первый пример, что эрцгерцогиня Австрийская будет в России.

Преданный тебе И. Новосильцов.

Мое почтение и поклон Марии Петровне.⁵

³ Завтра, завтра, не сегодня, — так лентяи говорят! (*нем.*).

На конверте: Московско-Курской железной дороги.
Станция Коренная Пустынь.
В с. Воробьевка.
Его высокоблагородию
<Афанасию Афанасьевичу> Шеншину.
Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 16 апреля 1883, 2) Москва,
17 апреля 1883.

¹ Речь идет о книге: К. Гораций Флакк / В переводе и с объяснениями А. А. Фета (М., 1883). Эта книга — завершение многолетнего труда Фета, издание полного Горация в его переводе. Вышедшие в 1856 г. четыре книги од Горация в переводе Фета автор посвятил Александру II; новое издание Горация Фет хотел посвятить памяти покойного императора Александра II, и окончательный текст посвящения выглядел так: «Священной памяти императора Александра II свой труд благоговейно посвящает переводчик». Экземпляр книги с посвящением Фет хотел преподнести Александру III.

² Делянов Иван Давыдович, граф (1818—1897) — министр народного просвещения с 1882 г., член Государственного Совета, почетный член императорской Академии наук.

³ Эрцгерцогиня Австрийская, Мария-Терезия — жена эрцгерцога Карла-Людвига, брата австрийского императора Франца-Иосифа.

⁴ Коронация Александра III состоялась в Москве 15 мая 1883 г.

⁵ Шеншина Мария Петровна (урожд. Боткина) (1828—1894) — жена А. А. Фета.

3

25 апреля (7 мая) 1883 г. Петербург

Дворцовая набережная 26.
С.-Петербург, апреля 25. 1883.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, 3-го дня я получил письмо твое с включенными в него двумя листами посвящения и испрашивания разрешения высочайшего на посвящение; не откладывая в долгий ящик — потому что это не в обычае у меня, а потом еще и вследствие беспримерной суеты, которая предвидится в самом ближайшем будущем — отъезд мой на австрийскую границу, шмыгание, переодевание из одной формы в другую, приготовление и всякие заботы — все это вместе побудило меня тотчас же найти Делянова, переговорить с ним, вручить ему бумаги и поручить ему ходатайство перед государем, — при свидании с ним и в присутствии Победоносцева¹ я прочел посвящение памяти покойного государя, мотивированное и объясняемое как прошедшим, так и надеждой на толковое будущее, дело — как говорится — в шляпе, адрес твой я приписал: Щигровского уезда, Курской губернии, в сельце Воробьевке. О вышепрописанном честь имею сим уведомить.

Когда я буду на Воине² — известно Богу, а мне же об этом помышлять следует лишь в виде *pium desiderium*.^a

Поклон мой Марии Петровне. А не мешало бы узнать тебе и сообщить мне, не будет ли у тебя в заводе рыжих субъектов, красивых и

^a благого пожелания, заветной мечты (лат.).

резвых, для кареты, но это так только, для будущего — тоже desiderium piissimum.^a

У нас погода отвратительная, из деревни вести не особенно радостные, авось

Бог милостив, му́ка муко́й будет.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

А что Петя?³ Как здоровье его и каково настроение?
И. Н.

На конверте: Московско-Курской железной дороги.
Станция Коренная Пустынь (бывшая Будановка).
В село Воробьевку.
Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 26 апр. 1883, 2) <Москва>, 27 апр. 1883.

¹ *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — обер-прокурор Синода в 1880—1905 гг., имел исключительное влияние на Александра III.

² Село Воин Мценского уезда Орловской губ. — родовое поместье И. П. Новосильцова.

³ *Борисов Петр Иванович* (1858—1888) — племянник А. А. Фета, сын его сестры Надежды Афанасьевны (1832—1870) и Ивана Петровича (1823—1871) Борисовых. После смерти Ивана Петровича Фет и его жена Мария Петровна стали для Пети «вторыми родителями», и Новосильцов, земляк и старинный друг Борисовых, также принимал участие в судьбе их сына. П. И. Борисов учился в Йенском университете, после его окончания в 1880 г. и возвращения из-за границы поступил в Казанский кавалерийский полк, т. к. впоследствии хотел стать офицером, выдержав экзамен в Петербурге. Это был талантливый юноша. Л. Н. Толстой так писал о нем в письме Фету 31 августа 1879 г.: «Поклонитесь от меня Пете Борисову и посоветуйте ему от меня почитать по-гречески и сличить с переводами. Я сейчас ходил гулять и думал о Пете. Не знаю, чему ему надо еще учиться, но знаю, что с его знаниями я могу предложить ему дела четыре такие, на которые нужно посвятить жизнь, и успех, хотя неполный, заслужит навеки благодарность всякого русского, пока будут русские» (*Фет А. Мои воспоминания*. М., 1890. Т. 2. С. 368).

4

3 (15) мая 1883 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Мая 3-го 1883.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сейчас вернулся из Сергиевской Пустыни, где присутствовал на похоронах князя Горчакова.¹ Успел видаться с Деляновым, который сообщил мне, что государю бы-

^a пожелание самое благочестивое (*лат.*).

до доложено, получено согласие его величества, сделавшего собственноручно одну поправку, вычеркнув слово «мученик». Вернувшись домой, нашел письмо твое от третьего дня с похвалой за мою поспешность; скажу одно в объяснение — если бы я откладывал со дня нынешнего на завтрашний, у меня бы иногда набиралось бы дела до конфузии, в которой бы я и засел с ущербом другим и с сознанием, что я дурной и глупый человек — и этого мне не хочется допустить. Вот главная пружина моей деятельности, превратившейся уже во что-то вроде второй природы. Итак, теперь изволь поджидать: Делянов мне сказал, что ответ высочайший на просьбу о посвящении получил официальный — по адресу, мною на твоём письме надписанному, — Курской губернии, Щигровского уезда, в сельцо Воробьевку.

Лечу встречать королеву греческую,² послезавтра еду на австрийскую границу через Варшаву — и надеюсь оттуда уже проследовать прямо в Москву.

Почтение и сердечный поклон Марии Петровне.

Жаль Тургенева,³ мысли мои о характере его тебе известны, некрепкий он был человек, не христианин попросту, а размазня с большим талантом, который я ценил и всегда ценить буду. Жаль, что некрепкий, а то, Бог милостив, и не спятил бы!

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Моск.-Курской жел. дороги.
Станция Коренная Пустынь,
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину,
в Воробьевку.

Почтовые штемпели: 1) СПб., 4 мая 1883, 2) Москва, Южн. ж. д.,
5 мая 1883.

¹ Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), князь — лицеист первого выпуска, русский дипломат, министр иностранных дел с 1856 по 1882 г., канцлер с 1867 г. Умер 27 февраля 1883 г. в Баден-Бадене, похоронен на кладбище Троице-Сергиевской пустыни рядом с княгиней Мариной Александровной Горчаковой. Троице-Сергиевская пустынь — монастырь, расположенный на южном берегу Финского залива, близ Петергофа, основан в 1733 г., пользовался покровительством царской семьи и был местом духовных устремлений петербургского света. Сергиевское кладбище, место упокоения многих знатных людей Петербурга, было основано в 1789 г.

² Королева греческая — дочь великого князя Константина Николаевича, Ольга Константиновна (1851—1926), жена короля греческого Георга I (1845—1913).

³ И. С. Тургенев в это время был тяжело болен (диагноз — рак костного мозга), страдал от невыносимых болей, временами впадая в помешательство, и в русском обществе распространились слухи о том, что он сошел с ума. Так, в письме от 27 апреля (9 мая) 1883 г. С. В. Энгельгардт писала Фету из Москвы: «Здесь получили грустное известие о Тургеневе. Он страдает ужасно от подагры, которая поднялась в грудь, и сошел с ума. Говорят, что его отвезли в дом умалишенных» (Письма С. В. Энгельгардт А. А. Фету / Публикация Н. П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 115). Эти слухи, вызванные недоброжелательством к Полине Виардо, были неверны: Тургенев получал уход и консультации лучших парижских докторов. Жестокие слова о И. С. Тургеневе были вызваны тем, что И. П. Новосильцов (как

и А. А. Фет) во многом не принимал общественно-политическую позицию Тургенева, прежде всего его либеральные убеждения.

5

24 сентября (6 октября) 1883 г. с. Вош

24 сентября вечером.

Здравствуй, любезный друг Афанасий Афанасьевич, цель настоящего письма — не столько дать о себе весть, как узнать, что ты, где и как тебе? Я столько мыкался по России, что прибыл в начале сентября (7) сюда и вздохнул свободно и, осенив себя крестным знаменем, воскликнул: слава тебе, Господи, что вернулся восвосяси. С тех пор как мы с тобой виделись, я был вызван по делам в Екатеринослав — т. е. в Екатеринославскую губернию — свекровь моей племянницы Нечаевой¹ скончалась. Я опекун, и пришлось мне много и много возиться, вернувшись сюда, я выехал 28 июня в Москву, Нижний, Казань, Пермь, Екатеринбург, Усолье около Соликамска, Лурьевские каменноугольные копи и проч. и проч. Везде был: на железных заводах, на рудниках, на солеварнях. Кончил тем, что, вернувшись на Волгу, остановился в Симбирске у Зины Нечаевой (дочери моей сестры Вяземской). Оттуда я через Нижний вернулся домой — рад-радешенек, что многое видел и многому научился. Везде я заметил то же утомление во всех и недоумение: куда же наконец девалась власть законная, положительная, остался какой-то призрак с вспышками произвола. Другое дело, например, у Строгановых — это примерная идеальная организация, упорядоченная покойным графом Сергием Григорьевичем!² Но тут является совершенное отсутствие коренного правительства — везде и во всем «управление графа», во всех его имениях все управляющие, техники, горные офицеры и проч. — все из бывших крепостных, гордящихся, что они все из графских крепостных, получивших образование, путешествовавших по Европе, лучшие все на местах, неудавшиеся без вести пропадают, и не слышать про них. Огромный капитал для пенсий увечным, пострадавшим во время работ на заводах! И тут единственным нигилистом является первое попавшееся правительственное лицо — заводчие.

Земства в этих местах — безобразная мысль!³ Вся тяжесть на заводчиках, а распоряжение на каких-то земских выборных хлыщах.

Часто приходилось мне о тебе думать, читая в газетах всю кутерьму, затеянную по случаю смерти И. С. Тургенева! И как умна статья в «Московских ведомостях»!⁴ От первой до последней линейки подписал бы ее, и талант и характер и вся деятельность Тургенева так отлично оценены, трезво, правдиво. Как-то в один из своих приездов в Россию Тургенев мне рассказывал, что ему больно было сознать себя врагом молодежи, — а это он испытал, отдавая телеграмму одной телеграфистке в Петербурге, — увидев его подпись, она спросила с каким-то гадливым выражением: «Писатель?» — «Да», — отвечал Тур-

гнев, и он видел это чувство гадливости на чертах телеграфистки! и больно ему стало! Это было вскоре после «Отцы и Дети» и «Дыма»; вот он и постарался заглазить свою вину перед молодым поколением и написал «Новь» и стал участвовать в различных комитетах и чтении в пользу эмиграции и мерзопакостных русских шалопаев, таскающихся в Париже и Женеве.⁵ Слабость нервов! — скажут друзья Тургенева; искреннее влечение сердца и ума к бойцам свободы — скажут всякие Стасюлевичи и Григоровичи.⁶ Отсутствие правил, скажу я, — *je puis changer d'opinions certes vrai, de principes — jamais!*^a — так говорил мне, бывало, старый граф Сергей Григорьевич Строганов.

Ну скажи мне, пожалуйста, что с Петей, где он? Что и как ведет себя и как держит? Дай-то Бог, чтобы хорошо. О том, что он забыл меня, я не в претензии, в нем я любил и люблю сына покойного его отца, которого я всем сердцем любил и почитал. Это была натура без мелочных расчетов, не было в нем тщеславия (*vaniti*) ни на грош. Часто о нем вспоминаю и молю за него Бога.

Не стану тебе толковать об урожае — знаю, что ты теперь этим не занимаешься, сдав все Йоосту⁷ в аренду, я же и волновался при бездожии и радуюсь оправившимся зеленым, лезут и кое-где зелено, а кое-где как щетка стоит вышедшая наружу молодая рожь, не сбросившая еще краску. Лошадки мои идут себе понемногу — и радуют, вся двухлетняя по 3-му году молодежь несравненно лучше того, что прежде было; тяжело теперь кормить эту компанию, кормов нет и все на зимнем положении.

Что у тебя подельвается в Грайворонке;⁸ все приступу нет охотнику — забирает барышник жеребят! Жаль для меня, — а тебе хорошо! Мне давно хочется завести рыжих пару, к купле у барышников и приступить нельзя — да и нет мне подходящих, — хорошо бы, если бы Александр Иванович мне приберег пару жеребцов, хоть молодых хотя бы и верховых — я бы их докормил вершков до 4 и приездил бы в русскую упряжь. Подумай, сообщи Александру Ивановичу⁹ и напиши.

Кончаю длинное и глупое мое письмо, начал с тем, чтобы узнать от тебя о тебе, а вышло, что написал всякого вздору целый ворох. Я надеюсь и желал бы подолее пожить на Воине, где у меня идет стройка и всякая всячина. На днях был по деревням и в Малоархангельском уезде, желал бы я, чтобы газетчики взглянули, как меня встречали и провожали мужики! Позадумались бы, если бы послушали наши разговоры. «Так нельзя, чтобы шло! распустили, ослабло все, нет, так нельзя» — вот откуда слышен голос, просящий подтяжки! А взглянешь вверх и слышишь: нигилитину! Поклон и почтение Марии Петровне.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину в гостиницу «Европа», нужное.

Почтовый штемпель: 1) С.-Петербург, 26 сентября 1883.

^a Я могу изменить свои убеждения, это правда, но принципы — никогда! (*франц.*).

¹ *Нечаева (урожд. княжна Вяземская) Зинаида Николаевна* (1845—1894) — племянница И. П. Новосильцова, дочь его старшей сестры Екатерины Петровны, в замуж. княгини Вяземской (1825—1858), жена и затем вдова подполковника Андрея Нечаева; после смерти И. П. Новосильцова — единственная его наследница. В документах по духовному завещанию Новосильцова — «подполковница Нечаева» (Российский государственный исторический архив, ф. 799, оп. 5, № 231).

² *Строганов Сергей Григорьевич* (1794—1882), граф — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета. В 1835—1847 гг. попечитель Московского учебного округа; главный воспитатель великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей.

Строгановым с XVI в. принадлежали огромные именные вотчины в Сибири и на Урале, а также заводы и солеварни. Женившись на Наталье Павловне Строгановой, граф Сергей Григорьевич наследовал майорат в Пермской губ., в котором было до 45375 крестьян мужского пола. «К этому майорату он присоединил еще владения, доставшиеся ему от отца и одного из братьев. <...> Он много заботился о крестьянах, об улучшении их хозяйства, о развитии среди них разных промыслов, о распространении грамотности. В марте 1881 г. он внес в Пермское отделение госуд<арственного> банка около 150 тыс. рублей, назначив проценты с этой суммы на пособие рабочим заводов и промыслов в Пермском именовании» (Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. «Смеловский—Суворина». С. 523).

³ Земства — выборные органы местного самоуправления, которые были введены Земской реформой 1864 г. Они имели в общем благородную цель: ведение народным образованием, здравоохранением; занимались строительством дорог, школ, больниц, содействовали развитию крестьянского хозяйства. Распорядительные органы земств избирались из уездных землевладельцев, владельцев городской недвижимости и представителей сельских обществ. В отношении к земствам И. В. Новосильцова и А. А. Фета возмущала исключительно нерадивость земских управителей, их бездеятельность и безответственность, о чем неоднократно упоминалось в статьях Фета (Из Мценского уезда // Московские ведомости. 1870. № 267; Письмо к издателям Московских Ведомостей // Там же. 1872. № 74).

⁴ И. С. Тургенев умер 22 августа (3 сентября) 1883 г. Статья в «Московских ведомостях», о которой упоминает Новосильцов, была напечатана 6 (19) сентября 1883 г. в № 247 на с. 3 в рубрике «Петербургские письма», за подписью W. Автор пытается защитить Тургенева-художника от «нападок прихвостней либерализма» после его смерти, доказывая, что все противоречия в его творчестве связаны с противоречиями жизни в России: «Его талант роковым образом подпал под влияние нашей жизни, от которой в последние годы он так настойчиво сторонился и которая теперь лицемерно шумит вокруг его свежей могилы...».

⁵ «Отцы и дети» (1861), «Дым» (1867), «Новь» (1877) — романы И. С. Тургенева. Роман «Новь», посвященный революционному народничеству, имел отчасти целью рассеять у читателя недоброжелательные, порой враждебные чувства прогрессивной молодежи, порожденные романами «Отцы и дети» и «Дым». Однако отзывы в печати об этом романе были суровы: автора обвиняли в незнании русской действительности, а центральные образы романа воспринимались как создания, лишённые типичности, новизны и естественности. Отношение Новосильцова и Фета к роману «Новь» совпадало с мнением многих читателей и критиков и определялось их общественно-политическими воззрениями: неприятием революционно-демократической идеологии и эстетики, отрицательным отношением к «нигилистам».

⁶ *Стасюлевич Михаил Матвеевич* (1826—1911) — историк, журналист, публицист, редактор и издатель «Вестника Европы», в котором с 1868 г. были опубликованы почти все произведения Тургенева. К Тургеневу М. М. Стасюлевич относился с глубоким уважением, поддерживал с ним деловые и дружеские отношения. Стасюлевич был автором статей о творчестве Тургенева, в частности, в статье «Историческая справка. По поводу тургеневской „Нови“» (Вестник Европы. 1877. № 3. С. 465—467) выступал в защиту романа от разногласий и резкой критики.

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — русский писатель, сотрудник журнала «Современник» в 1848—1860 гг. Одной из главных тем его произведений были взаимоотношения помещиков и крепостных, и важнейшей его заслугой является утвержде-

ние в литературе крестьянина в качестве ее центральной фигуры и положительного героя из народной среды.

⁷ *Йоост* — правильно: *Йост Александр Иванович* (в мемуарах Фета — *Ост*) — обрусевший швейцарец, с 1871 г. управляющий имениями Фета.

⁸ Грайворонка — имение Шеншиных в Землянском уезде Воронежской губернии, которое вместе с конным заводом перешло от отца А. А. Фета к его брату, Петру Шеншину, а после его смерти стало владением самого Фета.

⁹ Имеется в виду А. И. Йост.

6

15 (27) декабря 1883 г. Петербург

15 декабря 1883.

Любезный друг, спешу сообщить тебе ответ министра народного просвещения и сообщаю ко исполнению.¹ Постараюсь забежать в продолжение дня в надежде повидаться с Марией Петровной.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину. В гостинице «Европа», нужное.

¹ В этой записке речь идет, по-видимому, снова о возможности преподнести в подарок императору «Горация» Фета, что уже обсуждалось в письме от 25 апреля.

7

11 (23) января 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая наб. № 26.
Января 11-е 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, решительно пишу только несколько строк и посылаю тебе при сем полученную мною вчера вечером записку министра народного просвещения,¹ сообщи мне поскорее то, на что у меня требуют ответа. Я написал Делянову, что немедленно, по получении от тебя сведений, — сообщу ему.

Жму руку, преданный тебе
И. Новосильцов.

¹ Записка И. Д. Делянова к И. П. Новосильцову сохранилась в РО ИРЛИ: «Покорнейше прошу Вас, многоуважаемый Иван Петрович, сообщить мне, где служил А. А. Шеншин и какого он чина. На днях я поднесу его величеству перевод Горация и на всякий случай означенные сведения мне нужны. Искренно преданный И. Делянов. 10 января 1884» (РО ИРЛИ, № 20332).

16 (28) января 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая наб. № 26.
Января 16. 1884.

Любезный друг, вчера получил твое письмо с извлечением из формуляра, сегодня при письме послал переписанную мною набело, красивым почерком, записку к Делянову, получил ответ, который посылаю тебе для прочтения, совершенно понимаю, для тебя все равно, получить это или нет, но я полагаю, что никогда не следует брезгать такого рода вещами, и обращаюсь к тебе келейно или конфиденциально так, т.е. чтобы знал это ты да я, напиши мне, может быть, что тебе и приятно будет получить в воспоминание понесенного труда, я тогда постараюсь опять так конфиденциально и «как от меня одного идущее мнение» сообщить Делянову, что «мол, приятно то-то или другое». Напиши как знаешь, так я и буду хлопотать.

Я забыл тебе сообщить, что я Петю разыскал, выручил, вытащил,¹ свел обедать к моей племяннице Нечаевой, познакомил с ее детьми, они его свозили в театр, потом он у них был, обедал, и пока все благополучно. Поклон шлю Марии Петровне, а тебе жму руку.

Преданный тебе искренно
И. Новосильцов.

¹ Петр Иванович Борисов был психически нездоров, но самоуверен и горд, и это беспокоило и Фета, и Новосильцова. Здесь, может быть, Новосильцов упоминает о каком-то скандале, связанном с Петей, или об уплате его долга.

9 (21) февраля 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Февраля 9. 1884.

Любезный друг, спасибо за сообщенное тобой твое мнение о том, что бы нам в деревне (да и везде) нужно¹ — не входя ни в какие сравнения и аналогии — вся задача легко определяется. Задача одного вопроса — чего хотим? Вот на этот-то вопрос нужно сделать прямой ответ: мне пар подымать надо — рабочих с плугами посылать (на поле), а рабочие или удрали или перепились. Кирпич делать надо, а кирпичник, заключивший условие, или удрал или приходит к тебе и руками размахивает и жалуется, что его надули обещавшие к нему явиться рабочие и не явившиеся! Не в газетах писать с отвлеченными задачами из политической экономии или там социологии. Как Maxim Ducamp² пишет, что во время Коммуны³ обреченные на произвол черни различные начальники банков, департаментов и проч. послали

от себя в Версаль уполномоченного для совещания с Тьером,⁴ что и как им быть? Посланный возвратился и сообщил им следующее: «J'ai vu le president énergiquement de la république, il ne sait pas ce qu'il veut, mais il le veut».^a Этим ответом можно объяснить многое в нашей неурядице. Не дадут себе отчета серьезного, чего хотят положительно, применения ли каких-либо отвлеченных понятий и проектов на деле или дела здорового, простого, без угождения какой-либо отвлеченной теории и туманно признаваемого идеала, который на практике является поганой безурядицей, — прочел я и вполне до последнего слова с тобой согласен. Дал бы Бог услышать от предержавшей власти хотя толковое слово о самосохранении, — впрочем, даст Бог, справимся. Поклон Марии Петровне, тебе желаю всего лучшего, Делянову напоминал вчера — он не забыл, и будет все, как тому быть следует.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

¹ Без сомнения, Новосильцов имеет в виду статью Фета «О нашем сельском самоуправлении», опубликованную 1 февраля 1884 г. в № 3 газеты «Русь», в которой горячо обсуждаются вопросы сельского быта и противоречия общественного управления, которые видел Фет, исходя из своей собственной хозяйственной практики. Это «громадное дело освобождения» широко обсуждалось в то время многими представителями дворянства (подробнее см.: Аксёненко Е. М., Виноградова Е. В. Новые тексты А. А. Фета // А. А. Фет и русская литература (XVI Фетовские чтения). Курск, 2002. С. 12—26).

² *Du Camp Maxim* (Дюкан Максим) (1822—1894) — французский поэт и публицист. Его «История Коммуны», упоминаемая Новосильцовым, печаталась в 1879 г. в журнале «Revue des deux mondes».

³ Парижская Коммуна — революционное правительство рабочего класса, созданное пролетарской революцией 18 марта 1871 г. Речь идет о событиях, происходивших в Париже в марте 1871 г., когда «правительство национальной обороны», образованное после провозглашения Франции республикой, бежало в Версаль под натиском стихийного восстания пролетариата, сумевшего преодолеть сопротивление войск и занять важнейшие правительственные здания.

⁴ Луи-Адольф Тьер (1797—1877) входил в состав правительства национальной обороны.

10

14 (26) марта 1884 г. Петербург

Дворцовая набережная № 26.
С.-Петербург. Марта 14. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, все эти дни я собирался уехать в Вену, копошился, суетился и не поехал вследствие расчета денежного, жаль, что не смог исполнить своего желания повидать добрых и старых моих друзей — впрочем, еще-то Бог даст — может быть вдруг и дерну. «Заметки присяжного заседателя» 1884¹ — разыскивал

^a «Я видел энергичного президента Республики, он не знает, чего хочет, но — хочет» (франц.).

у 5 книгопродавцев — нет, не нашел. Следовательно, ничего не могу сказать — разве попросить тебя выслать экземпляра два на всякий случай, если статья стоит распространения — а это обстоятельство я только уразумею по прочтении.

Деляну напоминал, но он теперь как-то осовел, по крайней мере моему пылу противопоставляет рассудительные и, что меня всегда мучит, медленные действия. Оно, может быть, и хорошо вообще, да и понятно у людей, обремененных множеством занятий — «поспешность», говорят (и по мнению моему, совсем неосновательно), нужна только блох ловить. Блоху возьмешь вернее спокойною ловкостью, — поспешностью разве спугнешь только, а потом поди ищи ее.

Здесь была на днях баталия, под председательством государя — совет, где Гурко² отстаивал власть (свою) против защитников порядка, установившегося на недоверии к представителям власти в генерал-губернаторствах. Гурко говорил толково, не витиевато, но ставил вопросы просто и требовал ответов прямых и простых; он, между прочим, сказал, что не согласится возвращаться в край, ему вверенный, «куклой». Государь, сказывали мне верные люди, вел совет мастерски, смиренно и беспристрастно, но не идущее к делу останавливал, и сказывавших мне удивил простотой, ясностью и трезвостью постановки вопросов и ответов трезвых и решительных. Примерь семь раз и потом отрежь — а будешь примерять сто раз, проходишь зиму без кафтана! Вот тебе и добрая весть — это сказал наш добрый и честный царь. Ах, получше бы ему слуг прямых, слуг делу, а не болтовне.

Твой И. Новосильцов.

¹ «Заметки присяжного заседателя» — сочинение Ф. Н. Берга. Писатель, переводчик, публицист *Федор Николаевич Берг* (1839—1909) сотрудничал с Фетом в «Русском вестнике», выступал в печати «за сословный характер землевладения как гарантию существования дворянства». «Заметки» вышли анонимно в Москве в марте 1884 г. малым тиражом, и Новосильцов, прочитав брошюру, искал ее экземпляры в Петербурге, чтобы давать прочесть «единомыслящим людям». Подробнее об этой истории и определении анонимного автора «Заметок» см.: *Аксененко Е. М., Виноградова Е. В.* Новые тексты А. А. Фета. С. 22—25.

² *Гурко Иосиф Владимирович* (1828—1901) — генерал-адъютант, член Государственного Совета, Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа в 1883—1894 гг.

11

26 марта (7 апреля) 1884 г. Киев

Киев. Марта 26. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,

Вот откуда пришлось мне дать тебе весть о себе грешном. Я писал тебе, что собирался удрать в Вену недельки на три, вдруг государь рассудил за благо послать меня на встречу королевы греческой Ольги Константиновны в Одессу; в Киеве я должен был встречать царский

поезд и с ним проследовать в Одессу, откуда уже напрямиком на Белосток в С.-Петербург. Теперь я в пути, проехал через Мценск, выписал управляющего, доехал с ним до Орла, переговорил кое о чем и накануне Благовещения прибыл сюда, в первый раз в моей жизни! Экая здесь благодать, вчера целый день с утра я осматривал и Лавру, и Св. Софию, и Андрея, и Св. Михаила, обедал у генерал-губернатора,¹ сегодня часа в три надеюсь выехать в Одессу. Виноват за глупые подробности, просто к слову пришлось, и разболтался. Прочел я «Заметки присяжного»,² — согласен во всем, поручил книгопродавцу достать мне пять экземпляров, но не тут-то было, ничего не могли достать, твой экземпляр я послал на чтение двум единомыслящим людям, более пока не мог сделать, посылал и в типографию «Общественная польза», где твой экземпляр отпечатан, и там получил отказ. Отчего это? Неужели трудно распространить в чтение книжечку полезную и на которую, весьма вероятно, подымутся громы нигилисты. Я здесь успел ее порекомендовать, но в продаже, само собою разумеется, ее нет. Меня смущает один любопытный, спросивший меня «уж не Мещерский ли написал эти заметки?»³ Признаюсь, что эта личность своим содействием даже в хорошем деле скорее принесет вред, чем пользу, про него говорил Ф. И. Тютчев *c'est un plat pied enthousiaste!*^a И нахал он напыщенный, жаль было бы, если бы его перу мы были бы обязаны благодарностию! О судебных порядках идет давно речь и надо надеяться, что произойдет поворот в хорошем направлении. Читал ли ты в январской книге «Русского вестника» «Наши реформы» Семенова⁴ — все, что там говорится о «Комиссиях», замечательно, трезво и толково.

Кончу просьбой отвечать, благо будешь отвечать на ответ, в Петербург по известному тебе моему адресу. Здесь были аресты и захвачено — совершенно случайно, но очень ловко — много личностей и типографий, слава Богу, пора наконец перестать дремать не на лаврах, а на репьях! Не знаю, но кажется мне, что «репейный» пишется без буквы ъ.

Мой поклон Марье Петровне, и тебе мое сердечное рукопожатие.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Фету.
Московско-Курской ж. д. станция Коренная Пустынь,
в сельцо Воробьевка.

Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 25 мая 1884, 2) Южн. ж. д.,
26 мая 1884.

¹ Имеется в виду *Дрентельн Александр Романович* (1820—1888) — Киевский, Подольский, Волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа в 1881—1888 гг., член Государственного Совета.

^a неуклюжий энтузиаст (*франц.*).

² «Заметки присяжного заседателя» Ф. Н. Берга (см. прим. 1 к письму 10).

³ *Мещерский Владимир Петрович* (1839—1914), князь — публицист, прозаик, издатель и редактор газеты «Гражданин», известный крайне консервативными взглядами. В 60-х—70-х гг. писал о «благодетельном значении» реформ, пытался соединить идеи земства и твердой власти (Очерки нынешней общественной жизни России. СПб., 1868—1870), затем призвал «реформам <...> поставить точку, ибо нужна пауза, <...> чтобы дать жизни сложиться» (Вперед или назад // Гражданин. 1872. № 12. С. 42). По мере размежевания политических сил «охранительство» Мещерского становилось более откровенным (требование «опеки» над обществом в сб. «Речи консерватора» (СПб., 1876), который вызвал острую полемику в печати). В отзывах современников предстает личность малопривлекательной, способной на лицемерие в отстаивании своих позиций. Язывательные характеристики дал ему В. Г. Короленко в своем дневнике: «ультрадворянин и охранитель-крепостник», «посмешище всей печати и всей читающей России» (*Короленко В. Г. Дневник*. Полтава, 1928. Т. 4. С. 177, 311).

⁴ *Семенов Николай Петрович* (1829—1904) — брат известного географа и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, сенатор, активный участник комиссий по проведению крестьянской реформы 1861 г., автор 3-томного труда «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1889—1893). Статья «Наши реформы» вызвала одобрение А. А. Фета, который также затрагивал вопрос о мировых посредниках в своей статье «Наши корни», опубликованной в № 2 «Русского вестника» за 1882 год. Н. П. Семенов был давним знакомым Фета, с которым познакомился в 1858 г., и состоял с ним в переписке. 10 его писем к поэту за 1884—1888 гг. хранятся в РО ИРЛИ (№ 20289).

12

24 апреля—2 мая (6—18 мая) 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Апреля 24-го 1884.¹

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,

Давно к тебе не писал; в Одессе я прожил долее, чем предполагал, и вернулся с королевой Эллинов сюда лишь 9 апреля — письмо твое в ответ на мое из Киева получил. «Заметки присяжного» я расплодил в большом количестве, и могу тебе сказать откровенно и без хвастовства, что ты этой книжечкой принес пользу родине, в чем, Бог даст, скоро убедишься. Я получил сперва от Н. Берга² 4 экземпляра — пошли тотчас в ход; потом достал через одного ходока книжного 20 экземпляров, которые не все поместили, потому что помещаю с толком и только таким, которых нужно подбить на доброе дело. У меня единомышленник есть, который тоже с своей стороны старается. По мнению моему, нечего спешить, если дело хочется поправить, и то, что наделано в эти последние годы, разом не вырвешь, а лишь бы убедившись (что необходимо прежде всего знать) в том, чего именно желать следует — дать себе ясно в этом отчет и исподволь — без ломания и ковыркания, поставить на подобающее место и дать надлежащий кавертон!

Часто мне приходится толковать с людьми, занимающими, как говорится, «некоторое» положение в высших служебных сферах, — и, право, дивисься, как такой или другой человек туда попал; взгляни на состав Государственного Совета? Даже совестно станет за них: Перец,

Фриш, Каханов, Метлин, два брата Мансурова (оба мои родственники), Верьгин, Губе, Танеев, Казнаков, выдумавший Сибирский университет, Платонов, Глазенап, Грот, Корнилов, Старицкий, Любоцинский и проч. и проч.³ — где эти люди видели жизнь живую, где они век свой вращались? Читать и писать умеют и слыли за работающих чиновников-канцеляристов, вот и все, все это могли быть и были бы люди полезные в своей сфере, при исполнении своих обязанностей, — но на верхних ступенях, но советниками верховной власти они быть не могут и не должны — и всякий из этих Перцов и всякой всячины тащит за собой таких же Перцов и Глазенапов и Корниловых; сильная энергическая личность, знающая не дела, а дело, генерал-губернатор какой-нибудь, не уживется с этими, прости Господи, хамами из либеральных правоведов!

Но довольно я дозволил себе отвести душу на русский манер; и кажется мне, что Государь чувствует все то, о чем я пишу тебе, но еще стесняется и *zögert*^a перед таким составом советчиков, и слава Богу, — потише, но лишь бы по-верному, ясно сознанному пути идти, и малопомалу все это исчезнет. На днях много было говорено о том, будто государю следовало, найдя Государственный Совет до нельзя подтасованным, приступить к образованию совета из «лучших людей», как говорилось в старину, — я не разделил этого мнения: легко сказать, такое учреждение, как Государственный Совет, поставить вверх дном! Пусть вымирают, выходят понемногу со сцены деятельности, но пусть заменяются людьми! Главное — людей-то нет. Возьмут, например, министром военным Ванновского — и выходит, что он кукла, за которой сидит дирижер Обручев,⁴ с красненьким направленьцем! Куда не посмотришь, сидит, пожалуй, и хороший человек — да руководит им какой-нибудь прощельяга. То же, например, Дрентельн в Киеве — человек хороший, честный, умный, а за ним сидит правитель канцелярией — Меркулов!⁵ Хам — умный и злостный! И так погляди — то там, то сям все то же, а положительно, ясно высказанного образа действий — нет. Как этому помочь? Мне кажется, что не pomoжешь перестройкой и ломанием — нужно твердить одно и то же...

Мая 2.

Неужели я сегодня не допишу дурацкого письма своего, подвергавшегося беспреостаннным перерывам, — хочу кончить и совестно мне, что надоедаю тебе длинным пустословием. Сегодня виделся утром с сильными (дай-то Бог) мира сего. Как тебе понравилось замечание нового генерал-губернатора Туркестанского Розенбаха⁶ в ответ на сообщаемые князем Мещерским в «Гражданине» сведения о намерении сократить личный состав. Розенбах, которого я знаю за хорошего человека, отправился к министру внутренних дел и пожаловался, оказывается, что ныне «Гражданин» за консервативные статьи состоит под особым покровительством! Я сказал, что есть орудия, которых употребление марает руки употребляющим. Возразили: что ж, лучше, что ли, чтобы

^a медлит, колеблется (нем.).

он — «Гражданин» — был органом беспорядка? — Нет, не лучше, — ответил я, — но органов с такими редакторами, как Мещерский, доброму делу не нужно, и что услужливый дурак опаснее врага! «Впрочем, — было мне отвечено, — за такие выходы ему горб начешут!»

Более нечего мне тебе писать, надеюсь, что Бог приведет нас свидеться на Воине, теперь мне не до деревни, да и не тянет туда, здесь снег im schönen Monat Mai!⁷ Вот тебе и монат май со снегом; у меня отсеялись, но вести не особенно радующие.

Жму тебе руку и прошу передать Марии Петровне мое искреннее почтение.

До свидания, преданный тебе
И. Новосильцов.

По деревьям рассадил еще 7000 лиственниц и сосен без счета! Осенью, если доживу, опять буду сажать.

¹ Сверху приписка: 2 мая.

² Правильно: от Ф. Н. Берга.

³ *Перетц Егор Абрамович* (1833—1899) — государственный секретарь в 1878—1883 гг.; с 1 января 1883 г. член Государственного Совета по Департаменту законов; *Фриш Эдуард Васильевич* (1833—1907) — товарищ министра юстиции в 1876—1883 гг.; с 1 января 1883 г. член Государственного Совета и временно исполняющий обязанности товарища министра юстиции;

Каханов Михаил Семенович (1833—1900) — член Государственного Совета, председатель Особой комиссии для составления проектов местного управления в 1881—1885 гг.;

Метлин Николай Федорович (1804—1884) — адмирал, член Государственного Совета;

Мансуровы — родственники Новосильцова со стороны его матери, Настасьи Павловны Мансуровой: *Мансуров Борис Павлович* (1828—1910) — действительный тайный советник, член Государственного Совета с 1872 г., сенатор, статс-секретарь; *Мансуров Николай Павлович* (1830—1911) — член Государственного Совета с 1 января 1883 г., статс-секретарь, управляющий делами Комитета министров в 1880—1883 гг.;

Веригин Александр Иванович — генерал-адъютант, генерал от инфантерии;

Губе Ромуальд Михайлович — действительный тайный советник, статс-секретарь;

Танеев Сергей Александрович (1821—1889) — член Государственного Совета с 1879 г., статс-секретарь;

Казнаков Николай Геннадьевич (1824—1885) — генерал-адъютант, член Государственного Совета, генерал-губернатор Западной Сибири и командующий войсками военного округа в 1875—1877 гг.; воспитатель Александра III;

Платонов Степан Федорович (1844—?) — тайный советник, сенатор, член высшего дисциплинарного присутствия правительствующего Сената;

Фон Глазенап Богдан Александрович (1811—1892) — адмирал, член Адмиралтейского совета и Александровского совета о раненых;

Грот Константин Карлович (1815—1897) — член Государственного Совета с 1870 г., статс-секретарь;

Корнилов Федор Петрович (1809—1895) — член Государственного Совета, статс-секретарь;

Старицкий Егор Павлович (1825—1899) — с 1879 г. член Государственного Совета по Департаменту гражданских и духовных дел, с 1 января 1883 — председатель Департамента законов Государственного Совета;

Любоицкий Марк Николаевич (1816—1889) — член Государственного Совета, судебный деятель.

^a в прекрасном месяце мае (нем.).

Все вышеперечисленные государственные деятели входили в Государственный Совет, сформированный новым императором в 1883 г. А. А. Половцов, государственный секретарь, так писал о нем 8 марта 1883 г.: «Консерваторы и либералы — вот на чем покоится теперешняя система управления, если какая-нибудь система существует; такая неурядица страшна в будущем» (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 1. С. 60).

⁴ *Ванновский Петр Семенович* (1822—1904) — генерал от инфантерии (1883), военный министр в 1882—1897 гг., министр народного просвещения в 1901—1902 гг. *Обручев Николай Николаевич* (1830—1904) — один из ближайших сотрудников бывшего военного министра графа Д. А. Милютина; генерал от инфантерии, начальник Главного штаба в 1881—1898 гг., председатель Военно-учебного комитета (с 1867 г.) и комитета по мобилизации войск.

П. С. Ванновский пользовался покровительством императора. С. Ю. Витте вспоминал: «Император Александр III очень любил Ванновского; <...> он был начальником штаба у императора, когда Александр III был еще наследником цесаревичем <...> Ванновский представлял собою личность. Он был человек не большого образования, не большой культуры, но твердо преданный государю; человек порядка <...>. Сделавшись военным министром, он назначил начальником Главного штаба Обручева, <...> ум военного министерства, конечно, составлял Обручев, а Ванновский представлял собою собственно характер военного министерства; они, так сказать, друг друга восполняли. <...> Обручев получил это место, потому что Ванновский откровенно сказал государю, что <...> с точки зрения теоретических военных соображений и собственно военной науки, он считает, что единственный человек, на которого он мог бы опереться и который мог восполнить его недостатки — это Обручев» (*Vitte С. Ю.* Воспоминания. Л., 1924. Т. 3. С. 248). «... Назначение Обручева начальником Ген. штаба к Ванновскому уже ясно показывало, что Ванновский будет на дело смотреть глазами Обручева, так как, несомненно, Обручев был гораздо более образован и подкован для всяких трений, нежели его начальник Ванновский» (Там же. С. 26).

⁵ Дрентельн — см. п. 11, прим. 1. *Меркулов Петр Афанасьевич* (1843—?) — управляющий канцелярией Киевского генерал-губернатора.

⁶ *Розенбах Николай Оттонович* (1836—1901) — генерал-адъютант, член Государственного и Военного Советов, в 1881—1884 гг. начальник штаба Петербургского военного округа, в 1884—1889 гг. Туркестанский генерал-губернатор.

⁷ Правильнее — «Im wunderschönen Monat Mai...» — строка из стихотворения Генриха Гейне из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»).

13

5 (17) мая 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая набер. № 26.
Мая 5. 1884.

Любезный друг, вчера получил письмо твое из Воробьевки! А третьего дня я послал тебе длинное, урывками написанное письмо в Москву на Плющиху; это — доказательство, что сердце сердцу весть подает, а пока я писал к тебе, потом, за большим перерывом, опять продолжал и наконец, дописав — извинился за вероятную несвязность написанного и пустил поскорее на почту, а тем временем и ты, друг мой, обо мне вспомнил и дал о себе весть; так-то, повторяю — сердце сердцу весть подает. Тотчас же, т. е. вчера же купил 3 экземпляра «Писем из деревни» Голохвастова в ответ Энгельгардту.¹ Дай Бог, чтобы как-нибудь бы защищались добрые люди против галиматши социалистической. Прочту и напишу тебе о том, как мне понравилась эта ста-

твѣ. Если понравилась тебе, то полагаю, что я не прочту безучастно. С Деляновым у меня были некие пререкания, окончившіеся пока мирно, т. е. миром, но я нещадно ему написал мою отповедь — это касательно выхлопываемой мною пенсии или одновременной помощи оставшейся после моего бедного Юрия Карловича Фелькеля² старушке, называемой Каролиной Верт, авось, доведу это дело до конца. О твоём деле, спасибо, что ты мне напомнил, завтра же начну бомбардировку с сатирическим «прихихатыванием» насчет формализма Делянова, который не терпит именно упреков в том, чем страдает. А все-таки он добрый человек! Об этом я тебе скажу, что после будет, — в следующем письме. Так как я теперь состою при е<е> в <еличестве> королеве Эллинов, то ранее свадьбы вел<икого> князя Сергея Александровича³ вряд ли можно мне будет освободиться. На Воине у меня — как и в других местах — идет постройка, починка и всякий ремонт, — денег мало, но все же нечего пока мне лично жаловаться, подвигается, живет хозяйство, <тлеет> вроде «Курилки»,⁴ но все-таки ползет — скорее к улучшению, чем к ухудшению.

Всякий раз, как ты мне сообщаешь твои мысли или рекомендации, что прочесть, я пускаюсь в пропаганду и стараюсь сообщить сильным мира сего, что не все спят и что драть кожу со спящего не всегда удобно — пожалуй, проснется и закричит, что больно. Так-то стало и дворянство, т. е. землевладение или помещики стали, как ты говоришь, блеять; авось и заговорят толком, игры в парламенте приелись и фразы в земских собраниях вроде «мой уважаемый оппонент» уже не забавляют — везде стали сознавать, что нужно дело, а не заявления с передачей в Комиссию! Какова речь Бисмарка?⁵ Сын его⁶ мне ее подарил 3-го дня, в немецком тексте она несравненно лучше, острее и толковее. По крайней мере, «знает, чего хочет» и не стыдится откровенно о том говорить.

Поклон мой Марии Петровне, будь здоров и не поминай меня лихом.

Преданный тебе сердечно
И. Новосильцов.

¹ Голохвастов Павел Дмитриевич (1839—1892) — историк, публицист, филолог; теоретик славянофильской идеи земского собора. В 1880-е годы им были написаны исследование «Земское дело в смутное время» (Русь. 1883. № 18) и брошюра «Письма из деревни о письмах из деревни г. Энгельгардта» (М., 1884), которые широко обсуждались в печати.

² Энгельгардт Александр Николаевич (1828—1893) — профессор С.-Петербургского Лесного института, химик. После окончания профессуры в Земледельческом институте вынужден был удалиться в свое имение Батищево, но, получив письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина с предложением написать о современном положении помещичьих и крестьянских хозяйств, каждый год присылал в «Отечественные записки» статьи о ведении хозяйства в имении — «Из истории моего хозяйства Батищево. 1872—1886», «15 лет на хозяйстве Батищево», а также упоминаемые Новосильцовым «Письма из деревни». А. Н. Энгельгардт был сторонником общинного землевладения и предсказывал победу крестьянского землевладения, если крестьяне будут обрабатывать землю сообща, сообща вести хозяйство целыми деревнями, арендовать барские усадьбы и т. д. Голохвастов же был убежден в том, что общинное землевладение доживает последние годы, и приводил как положительный пример ирландское землевладение, с фермерами и безземельными батраками. Самые противоречивые отзывы о статьях обоих публицистов печатались в веду-

щих российских изданиях. В частности, в «Русской мысли» в мае 1884 г. некто писал о «Письмах...» Голохвастова: «Полемические выходки автора и потуги его напряженного остроумия производят крайне неприятное впечатление. Но нельзя не признать основательности некоторых замечаний г. Голохвастова по второстепенным и третестепенным вопросам, поднимаемым и решаемым г. Энгельгардтом, нельзя не признать и некоторого противоречия в характеристиках русского крестьянина, которые дает нам г. Энгельгардт...» (Русская мысль. 1884. № 4—5. С. 60—61).

Новосильцов, иронически называя рассуждения Энгельгардта «социалистической галиматьей», в вопросе о землевладении полностью принимает позицию Фета, которая выразилась в его статьях, написанных в 80-е годы («Наши корни», «О нашем сельском самоуправлении»): общинное владение землей отрицает частную собственность и личную инициативу, а главная роль в осуществлении земельных реформ должна принадлежать собственнику-землевладельцу.

² *Фелькель* — воспитатель Новосильцова с детских лет. В своих воспоминаниях Фет пишет о нем: «Невзирая на малые лета ребенка, я уже застал при нем молодого рыжеватого наставника немца Фелькеля...» (*Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 78).

³ Свадьба великого князя *Сергея Александровича* (1857—1905), сына Александра II, и Елизаветы Федоровны, принцессы Гессен-Дармштадтской (1864—1918), состоялась 3 (15) июня 1884 г.

⁴ Курилка — персонаж из детской народной песенки, исполняемой при игре в «Курилку». Играющие садятся в круг и передают друг другу горящую лучинку с припевом: «Жив, жив Курилка, ножки тоненьки, душа коротенькая». Тот, в чьих руках лучина погаснет, выходит из круга. Шутливое выражение «жив Курилка» употребляется при упоминании о непрерывной деятельности в трудных условиях.

⁵ *Бисмарк Отто Эдуард Леопольд* (1815—1898), князь — германский канцлер в 1871—1890 гг. Его речь, произнесенная 9 мая (27 апреля по ст. ст.) 1884 г. на заседании Германского рейхстага, касалась борьбы правительства против анархистов и обстоятельств, затрудняющих успешное ведение этой борьбы. После убийства императора Александра II император Вильгельм предложил совместное действие великих держав Европы против терроризма. Россия взяла на себя обязательство созвать конференцию по этому вопросу в Брюсселе, но это предложение не нашло поддержки Англии, а также Франции и Австрии. «Таким образом, Россия и Германия остались одни в борьбе с международными анархистами. Тому и другому государству ничего иного не оставалось, как вести эту борьбу своими специальными средствами. Князь Бисмарк и г. фон Путткамер (министр внутренних дел Германии. — *Е. В.*) ограничились в своих речах изложением тех мер, которые были приняты против анархистов в Германии, но сказанное ими во многих отношениях поучительно и для нас», — говорилось в передовице «Московских ведомостей» в № 122 за 1884 г. (Цит. по: Речи князя Бисмарка и г. фон Путткамера по поводу закона о социалистах // *Русский вестник*. 1884. Т. 171, № 5. С. 430—438).

⁶ *Бисмарк Генрих Фердинанд Герберт* (1849—1904), граф — старший сын канцлера, дипломат, с 1888 г. министр иностранных дел Германии. В 1884 г. был советником германского посольства в России, и его хорошо знал петербургский свет. О встречах с ним в Петербурге упоминает, в частности, государственный секретарь А. А. Половцов в своем дневнике (*Дневник государственного секретаря А. А. Половцова*. М., 1966. Т. 1).

14

23 мая (4 июня) 1884 г. Петербург

Дворцовая набережная № 26.

С.-Петербург, мая 23. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,

Не знал и не гадал, что мне придется тебе писать о Пете Борисове вести не совсем утешительные:¹ третьего дня вдруг получаю письмо от не-

знакомого мне князя Девлет Кильдеева, который пишет, что узнал случайно, «что я принимаю живое участие в молодом человеке Петре Ивановиче Борисове», который занимает номер в гостинице рядом с ним, и проч., посылая тебе записку в подлиннике, тотчас по получении отправляюсь туда и не застаю дома ни князя Девлет Кильдеева, ни Пети Борисова, прождав довольно долгое время, я мог убедиться из скрываемых намеков прислуги, что тут что-то очень неладно, уехал, написав письмо Пете и обещав в нем быть на другой день, третьего дня (пишу тебе 24 мая). Утром получаю записку в пакете без надписи, спрашиваю посланного, кому, отвечает: Г-н Борисов велел отдать самому Новосильцову, открываю и читаю следующее. «Пришли сейчас сию же минуту Голденково в карете (*c'est mon second petit valet de chambre*),^а потом по-французски «*apportez autant d'argent que Vous pensez, il faut impressionner ces misérables gens qui me prennent pour un mendiant*»,^б потом неразборчиво два-три слова. Я сейчас послал своего Голденкова с инструкцией и обещался приехать тотчас же, как мне будет возможно, во всяком случае обещался прийти до 4 часов, в два часа я уже был там, мне сказали, что Петя Борисов ушел с моим человеком, — я домой — через 1/2 часа являются оба, я нашел Петю потолстевшим и в очень возбужденном состоянии, денег ни гроша, 200 рублей счета в гостинице, он показал мне письмо Йооста, который от прошлого года отложил ему, кажется, 5000 рублей и купил процентных бумаг, я тотчас же упросил его телеграфировать Йоосту (что он и сделал), что «простите меня, что не отвечал на письмо и не уведомил о получении в январе месяце 500 рублей, пришлите немедленно 1000 рублей на имя Ивана Петровича Новосильцова, мой адрес, подписано Петр Борисов». Ни за что он не хотел более возвращаться в гостиницу, я послал уплатить все счета и привезти сюда его вещи, он пожелал остаться у меня, вещей очень мало, две разорванные рубашки, одна пара носков грязных на нем, рубашка, в которой он пришел, была куплена моим человеком, когда они из гостиницы шли сюда. Тут начинается для меня ряд самых мучительных часов, которые можно пережить, страшные крики, ругань (площадная) потом переход к излияниям восторженной привязанности. Вчера утром был уже у меня мой добрый приятель доктор Вагнер,^в который домашний и врач, и друг семейства Строгановых, решено было, что доктор сегодня утром привезет с собою знакомого специалиста, но не так вышло, как мы рассчитывали: по отъезде доктора начались крики, вопения, опять ругань, люди мои и домашние соседи встревожились, я же не могу и описать, что переживал, вечером он захотел поехать к доктору, запрягли карету, и он с Голденковым отправился на острова, где живет доктор. Оказалось, что он ни за что не захотел его видеть, когда приехал на место. «Нет, — говорит, — лучше поедем кататься». Я был у коменданта тем временем, расспросить, как и что предпринять, комендант — твой товарищ по уланскому полку Адельсон,^г в чине генерал-майора. При-

^а это мой второй комнатный слуга (франц.).

^б «Внесите столько денег, сколько сочтете нужным, чтобы произвести впечатление на людей, которые принимают меня за нищего» (франц.).

езжаю домой — Петя Борисов было вернулся и ушел гулять, беспокойство и проч., в 12 часов ночи вернулся, опять нервный припадок, крики и проч., посылаю за доктором частным дежурного, сам бегу в аптеку, узнаю адрес и бегу к 2-м докторам, дождь проливной, возвращаюсь домой и ожидаю скорого приезда доктора, припадок, вышибает окно, кричит, что умрет «хоть назло» и проч. Приезжает доктор, до утра провозились с ним, успокаивая, упрашивая и проч. По совету доктора отправляю справиться с запиской от него, есть ли помещение для платящих в больнице, где главный доктор Чечот,⁴ приезжают и говорят, что к десятому часу утра будет готово. Отпускаю проторчавшего частного доктора, посылаю на острова за Вагнером и с согласия Пети его увозят и помещают в больнице Св. Николая Чудотворца,⁵ уплачивает доктор Вагнер 100 рублей за два месяца, т. е. до 24 июля. Теперь пишу все это тебе. Вчера я послал тебе телеграмму, но не знаю, можно ли тебе сейчас и приехать с твоим здоровьем, что ты решишь это. 24 мая <три часа>, получил твою телеграмму, которая служит как бы благословением всего мною сделанного Пете. Он находится под присмотром Чечота, главного доктора Николаевской больницы, кое-какие вещи, т. е. просто Бог знает какая дрянь, и письмо Йоста сберу (так! — Е. В.) и пошлю или привезу к тебе. Утомлен я до последней границы и с 3-го дня не спал. Поклон Марии Петровне, тебе руку жму.

Завтра должен переехать на несколько дней в Петергоф, адрес не меняю, нужно принять меры по доставлению платы за содержание, что можно будет — сделаю.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
в Москве, на Плющихе собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 25 мая 1884, 2) Москва, 26 мая 1884.

¹ После смерти Ивана Петровича Борисова в 1871 г. И. П. Новосильцов, наравне с Афанасием Афанасьевичем, официальным опекуном с 1871 г., и Марией Петровной, заболел о Пете Борисове, как о родном сыне. («Когда в последнее наше свидание я стал жаловаться Н<овосильцо>ву на странные выходки Петруши, заставляющие опасаться душевного расстройства, — Иван Петрович воскликнул: „какой вздор! Пришли его ко мне, я его разберу и подтяну хорошенько, и все пойдет прекрасно“») (Фет А. Мои воспоминания. М., 1890. Т. 2. С. 397). После трагического случая с Петей, пересказанного в этом письме, он был помещен в больницу св. Николая Чудотворца (Николаевскую) в Петербурге, окруженный вниманием и заботой И. П. Новосильцова. Однако Фет хотел перевезти больного ближе к себе, в Москву, в частную лечебницу на Плющихе. После приезда Фета в Петербург М. П. Боткин, попечитель больницы св. Николая Чудотворца, уговорил Фета не беспокоить больного, предложив посетить его в больнице и удостовериться, что больной находится в хороших условиях. «Убедившись в превосходном уходе за моим больным, я отказался от мысли перевозить его в Москву» (Там же. С. 398). Фет вернулся в Москву, а Новосильцов продолжал навещать Петю и своевременно вносить плату за лечение до самой его смерти в 1888 г.

² Вагнер Артур Андреевич — лекарь, коллежский советник, служил при Министерстве внутренних дел.

³ Адельсон Николай Осипович (?—1901) — генерал-майор свиты, комендант Зимнего дворца.

⁴ Чечотт (Чечот) Отто (Оттон) Антонович (1842—1918) — городской психиатр Петербурга, главный врач больницы Николая Чудотворца для душевнобольных, с 1908 г. профессор Психоневрологического института. Написал книгу «К развитию призрания душевнобольных С.-Петербургским городским общественным управлением. 1884—1912» (СПб., 1914), а также ряд статей об организации городской и общегосударственной психиатрической помощи, начиная с 60-х гг. XVIII в.

⁵ Больница Св. Николая Чудотворца — вторая в Петербурге больница для лечения душевнобольных (находилась на р. Мойке, 124), на 300 мест (первая — Больница всех скорбящих — на 350 мест). Имела 30 отдельных помещений за плату от 40 до 50 руб. в месяц.

15

3 (15) июня 1884 г. Петербург

С.-Петербург, июня 3-е 1884.
Дворцовая набережная № 26.

Любезный друг, мало времени свободного мне для переписки, и все-таки, по мере возможности, стараюсь успевать. Вряд ли удастся мне быть 12 июня на Воине, молю Бога, чтобы 12 июля быть на месте, после праздника и проч. я должен буду проводить короля и королеву до границы¹ — но не на Одессу, а куда-нибудь на запад через Варшаву или на Айдкунен,² вернуться сюда, привести немного в порядок свои делишки и поехать в деревню через Москву, где мне тоже придется остаться денек-другой; по всему этому не думаю, чтобы к 12 июня текущего <года> мне быть на Воине. Разве только буду подъезжать около этого числа.

На днях я получил от Йооста письмо на имя Пети, прочитал его и вернул ему назад, описав в моем письме подробности случившегося несчастья; его денег, посланных Йоостом 1000 рублей, я получил, вычел 300 рублей с чем-то, издержанных мною, остальную сумму хочу передать доктору Вагнеру, моему приятелю, который и позаботится своевременным взносом в больницу следующих за содержание больного 50-рублевого месячного взноса. Всего желательнее, говоря пока общим взглядом, чтобы Александр Иванович Йоост продолжал держать имение Пети в аренде, но я полагаю, нужно будет что-нибудь придумать вроде опеки и желательно было бы найти человека чужого, но хорошего. Впрочем, обо всех этого рода подробностях переговорим с Божьей помощью при нашем свидании. Сегодня свадьба в первом часу, к пяти парадный обед, а к 8 1/2 куртаг,³ т. е. нечто вроде бала, после чего я опять верхом буду по улицам у правого колеса золоченой кареты парадировать. Завтра постараюсь повидаться с доктором Чечотом, о котором собирал справки, которые с сего дня в его пользу, но мне советовали заявить участие мое перед Чечотом, что будет от этого

лучше. Постараюсь исполнить это завтра. Поклон глубокий Марии Петровне.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

¹ Короля и королеву греческих — Георга I и его жену Ольгу Константиновну, приехавших в Россию на свадебные торжества (свадьба великого князя Сергея Александровича, которая состоялась 3 (15) июня 1884 г.).

² Айткунен (Эйдткунен) — ныне пос. Чернышевское Нестеровского р-на Калининградской обл.

³ Куртаг (от нем. Kurtag — день собрания избранных) — прием или приемный день в царском доме.

16

6—7 (12—13) июня 1884 г. Петергоф

Петергоф, июня 6. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, вчера я виделся с доктором Чечоттом (Чечотт) — так называемым психиатром, у которого Петя находится на пользовании, он дает хорошие надежды на выздоровление, но я не скрыл от него никаких обстоятельств семейных, которыми объясняется болезнь.¹ О Чечотте я справлялся у Обермюллера,² лейбмедика и старого моего знакомого, который мне посоветовал скорее избежать частные лечебницы, которые только тем успокоительнее действуют, что там плата гораздо более и выше, я Чечотту уплатил еще 100 рублей на случай, если Пете будет лучше и ему захочется чего-нибудь свыше положенного во время лечения (пишут тоже лѣчения). Остальные деньги 600 рублей я отдал доктору Вагнеру, которому на случай спеха непредвиденного Чечотт может обратиться. Пронесся слух в Николаевской больнице, что С. П. Боткин³ принимает участие в Пете, и его ждали в больнице.

Это хорошо, уход будет лучше!

Июня 7.

Меня вчера прервали, постараюсь дописать сегодня. Кончил замечанием о слухе, что Боткин принимает участие в Пете, это я подтвердил Чечотту. По разговорам с доктором я узнал, что больной переходит часто из одного состояния задумчивости в другое, «беспокойное», видеть мне его не советовали, я, признаюсь, не видел в этом посещении прямой пользы — я этим советом буду рад воспользоваться, потому что на меня до сего дня воспоминания прожитых двух суток производят тяжелое впечатление. Чечотту я дал твой адрес на случай каких-либо мер — по объявлению больного, хотя временно неправоспособного; мне кажется, что следует в этом отношении руководствоваться обычаями, у специально знающих это дело принятыми. Только пока очень желательно, чтобы Йоост продолжал ведать делами, а там что Бог даст.

Жму тебе приятельски руку, видел Делянова и в шутку сказал ему, что от него (<не поминая> козла) нет мне ни шерсти, ни молока. «Экий Вы, право, Иван Петрович, как бульдог какой!» «Бульдог я и есть», — сказал я. Он меня заверил, что на днях и ученый Комитет выскажется, и он, наконец, найдет случай упомянуть о признательности государя. Ils sont presque tous ainsi.^a

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Москва, Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 8 июня 1884, 2) Москва, 10 июня 1884.

¹ Новосильцов имеет в виду, что душевная болезнь Пети — наследственная: его мать, сестра Фета Надежда Афанасьевна, умерла в 1870 г. в больнице для душевнобольных в Петербурге.

² *Обермюллер* (правильно — *Обермиллер*) *Александр Леонтьевич* (1828—1892) — лейб-хирург императорского двора, член военно-медицинского ученого комитета и медицинского совета министерства внутренних дел, тайный советник. Был близким другом Н. И. Пирогова, одним из его помощников во время обороны Севастополя в 1854—1855 гг.

³ *Боткин Сергей Петрович* (1832—1889) — врач-терапевт, основоположник физиологического направления в клинической медицине, брат жены А. А. Фета Марии Петровны.

17

21 июня (3 августа) 1884 г. c. Воин

Четверг. 21 июня 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, письмо твое от 18-го текущего месяца я получил и благодарю за вести, спешу отвечать: дня через три я имею намерение съездить в Тамбов к Павлу Строганову,¹ откуда с Божьей помощью вернуться намереваюсь в самых наипервейших числах июля, во время моего отсутствия будет краситься крыша в обитаемом мною доме, и я надеюсь избежать зловония топленого масла с медянкой. На Воин я приехал с понедельника на вторник с курьерским поездом, который на секунду для меня остановился в Отраде.² После всех моих странствований в Айдкунен и проч. вздохнул в родном гнезде и хотел отдохнуть: оказалось, что, встав поутру в 9 часов, я присел в продолжение дня во время обеда и потом в шарабане вечером, когда вернулся на лошадах с прогулки по различным лесовым моим посевам или древесным школам, — вот тебе и ответ — но это не

^a Почти все они таковы (франц.).

утомление, а как немцы говорят: Eine Wonne! Voluptas inspectionis omnium rerum et locorum, — Küchen Latein!¹

Вчера провел день так же, но утром был прием и перебивали у меня всяких пожелавших со мною повидаться более 4-х человек, — этого рода свидания будут еще продолжаться дня два или три. На письмо твое, писанное по пунктам, буду отвечать сейчас, не теряя времени: я говорил с главным доктором Чечотом, вручил ему сверх уплаченно-го 100 рублей за два месяца — 100 рублей, которые будут в распоряжении Пети и на удовлетворение его требований, с разрешения доктора, т. е. лакомства или что он пожелает иметь; остальные 600 рублей я передал доктору Вагнеру (Артур Андреевич Вагнер, Полицейский мост, дом гр. Строганова). Чечотт с ним войдет в сношение. Об освидетельствовании больного Чечотт сделает в свое время распоряжение и на этот счет есть некоторая очередь, которая обязательно соблюдается. Когда это будет сделано и признан будет больно́й неправоспособным — опека может быть назначена — и, само собой разумеется, я не прочь в ней участвовать с тобою. Так будет лучше для нас обоих и будет нам служить нравственным обоюдным подспорьем! Что до этого Каспера,³ ты можешь на меня рассчитывать. Какой бы крест Господь Бог мне ни пошлет, не стану отвиливать, а возложу на плечи с верою и смирением!

Я получил от Ал. Ив. Йооста письмо очень и очень сердечное в ответ на мое, в котором я его о всем уведомлял и сообщил ему о получении мною прилагаемых им Петиных 1000 рублей. Он мне в письме своем упоминает, что держит Ольховатку⁴ в аренде и что, само собою разумеется, не считает себя вправе отказаться от аренды при таких обстоятельствах, т.е. вправе — говоря нравственно. Мне кажется, следовательно, что пока новые обстоятельства не выяснятся — нам было бы желательно не расходиться с Йоостом, а, напротив, сойтись с ним на основаниях порядочных людей с порядочным и добрым человеком — и людей, сердечно заинтересованных, с человеком, сердечно же заинтересованным в судьбе и положении бедного больно́го. Je me résume: mieux vaud garder Йоост et faire valoir à ses yeux la responsabilité morale qu'il assume, de cette façon Йоост⁶...⁵

На конверте: Московско-Курской железной дороги
Станция Коренная Пустынь, с. Воробьевка.
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Почтовый вагон № 15, 23 июня 1884, 2) вырезан.

¹ *Строганов Павел Сергеевич* (1829—1893), граф — действительный статский советник, гофмейстер императорского двора (состоял в ведомстве министерства иностранных

² Какое блаженство! (нем.) Хотелось бы обозреть всё и вся (лат.) — кухонная латынь! (нем.).

³ Итак: лучше оставить Йооста и придать цену в его глазах той моральной ответственности, которая на него возложена, таким образом Йоост... (франц.).

дел, как и И. П. Новосильцов), почетный мировой судья Тамбовского и Сумского мирового округа, почетный попечитель и директор Александровской сумской гимназии.

² Отрада — станция по Московско-Курской железной дороге, которая находилась в нескольких верстах от села Воин, имения Новосильцова.

³ *Каспер* — возможно, один из управляющих Фета.

⁴ Ольховатка — одно из имений Борисовых, которое по наследству перешло к Пете Борису. Во время пребывания Пети в лечебнице А. А. Фет был назначен его опекуном; тогда же была оформлена опека над именьями. Из письма Новосильцова следует, что Йост, управляющий Фета, согласился на определенное время взять это имение в аренду.

⁵ Конец письма отсутствует.

18

8 (20) июля 1884 г. с. Воин

Воскресенье, 8 июля 1884.

Милый друг Афанасий Афанасьевич,

Письмо твое как раз дошло до меня в день моего возвращения из Тамбова; что ты сделал, то сделал благо — вот вывод, к которому я пришел по прочтении твоего письма; но я не думал, что Йоост оставит дело, и полагал, что будет продолжать на условиях, выгодных для бедного Пети, ты был прав — предсказал наперед, как будет, — и ты не ошибся. Полагаю, впрочем, что есть основания предвидеть для Ольховатки под твоим глазом и непосредственным распоряжением лучшие судьбы.

До сего дня платеж в Николаевскую больницу = 50 рублей в месяц; я дал эти платы единовременно 100 рублей, на всякий случай, если бы больной чего пожелал и можно бы ему разрешить это — с дозволения доктора; более же трат не предвидится, так я, по крайней мере, толковал с старшим доктором Николаевской больницы — доктором Оттон Антоновичем Чечотт (адрес его С.-Петербург, у Сухарного моста, больница Святого Николая Чудотворца). Мой приятель же Вагнер Артур Андреевич живет на Невском, у Полицейского моста, дом графа Строганова.

Жарко, и я тебе пишу немного раскисши, как <выражаются> петербургские уроженцы. Я же москвич, и мне это дозволительно употреблять с оговоркой. О чае я еще не распорядился. Попиваю пока покупной в Орле — так себе.

Теперь поджидаю сюда мою сестру с зятем французом,¹ которого очень люблю и уважаю. Все собираюсь отдохнуть, а в деревне я положительно, как маятник, шмыгаю и вечером, когда слезу с лошади — язык висит, как у лягавой собаки. Напиши, когда съездишь в Грайворонку.

Преданный тебе сердечно
И. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской ж. д.
Станция Коренная Пустынь.

В село Воробьевка.
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовый штемпель: Почтовый вагон № 15, 10 июля 1884.

¹ Речь идет о младшей сестре И. П. Новосильцова Софье Петровне, в замужестве де Шангран, дочери Петра Петровича Новосильцова и его второй жены Мерыпы Александровны Тимашевой-Беринг.

19

20 июля (1 августа) 1884 г. с. Воин

Июля 20-го 1884.

Ильин день.

Любезный друг, я получил твое любезное письмо, писанное по возвращении твоём из Москвы, сожгли сарай! Экая мерзость, читал, так и екнуло сердце. Поджигатели действуют как бы заодно с бывшими (Dieu le veuille)^a законодателями, уничтожая частную собственность и частные хозяйства! Не с такими ли преступлениями можно и должно сравнивать теории вроде теорий, проповедываемых или каким-нибудь Энгельгардтом или «профессором» (желал бы знать, чего?) Янсоном?¹ Молю Бога и надеюсь, что будет положен конец таким мерам. Вдруг — нельзя, но чувствуется в воздухе отрезвление, поверь, я сам по себе и по тому, что вокруг меня делается, сужу, — но велика, неизмеримо велика наваренная в продолжение 20 с лишком лет каша, и хлебать ее не солоно и тяжело для тех, которые этой каши не варили, а всеми средствами мешали варить!

Вот ты и купил еще молотилку! В добрый час — это деньги не брошенные, вернешь скоро.

Я копышусь (так! — *Е. В.*) в уборке, но меня более занимает... лестница, которую я получил из Питера, дубовую — в передней ставлю и целый день торчу там — только и отрываюсь, чтобы посмотреть, как сажают махонькие сосенки и вязы в лесу — теперь со вчерашнего дня прекратил садку — рабочая пора тому помеха. Сестру свою и зятя все еще жду — они в Киевской губернии гостят у Черткова.² Что-то уж очень долго загостились.

К тебе, если Бог милостив, приеду в конце августа, чтобы мне знать только, что застаю тебя дома, посему жду от тебя уведомления, когда поедешь на Грайворонку.

Поклон Марии Петровне.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

^a Дай-то Бог (*франц.*).

Доктор Вагнер был в отсутствии, ездил в Псковскую губернию. Деянову отсюда еще раз напишу! Просто странно!

На конверте: Станция Коренная Пустынь, в с. Воробьевку.

Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Фету.

Почтовый штемпель: Почтовый вагон № 15, 22 июля 84.

¹ *Энгельгардт Александр Николаевич* — см. п. 13, прим. 1. *Янсон Юлий Эдуардович* (1836—1893) — заслуженный ординарный профессор, известный статистик, преподавал статистику и политэкономию в различных учебных заведениях Петербурга. Автор статей: «О влиянии реформы 1861 г. на сельское хозяйство и хлебную торговлю в юго-западных губерниях» (1868), «Опыт статистического исследования о крестьянских платежах» (1877), «Очерк распределения земельной собственности в России» (1890) и др. В своих работах профессор пришел к следующим выводам: полученные освобожденными крестьянами наделы не обеспечивают их жизни, различные платежи и повинности, связанные с владением наделом, превышают доход и не только поглощают земельную ренту, но и тяжким бременем ложатся на личный труд крестьянина. Главные средства улучшения быта крестьян — предоставление дешевого кредита для приобретения в собственность тех земель, которые приходится арендовать; допущение всеобщей переобролки, чтобы привести поземельные платежи в соответствие со средствами крестьян; уменьшение выкупных платежей ввиду их непомерной высоты; перенесение тяжести всей податной системы на плечи более состоятельных классов населения. Эти выводы произвели сильное впечатление на общество и нашли как сторонников, так и резких противников. Особенно горячий прием они встретили среди умеренно-либеральных земских кругов и некоторых литературных деятелей, которые позже составили в русской журналистике т. н. народническую школу.

² *Чертков Михаил Иванович* (1829—1905) — Киевский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа в 1879—1881 гг., член Государственного Совета с 1881 г.

20

31 июля (12 августа) 1884 г. с. Воин

31 июля.

Московско-Курская ж. д.

Станция Отрада. Село Воин.

Милый друг, сего дня получил письмо твое от 30-го текущего месяца, т. е. от вчерашнего числа, жаль мне, разумеется, что у тебя подожгли солому. Жаль сердечно, что был и в Грайворонке пожар... но подписываешь ты «старый твой А. Шеншин» — а говоришь и действуешь, как самый молодой, приткий, вспльчивый и горячий человек. Ну, можно ли прийти из-за единичного случая, из-за мерзавца-поджигателя — бросать все, через пень колоду? Спешить — людей насмешить! Доищись, кто поджог? Или как там, но не падай духом, мало ли я в этом смысле видал видов? Пожар в Шеине, пожар в Богородском, пожар в Слободке, пожар большой в Самарке¹ и пожар большой на Воине! Это в нескольких словах резюме при моем хозяйствовании — но перед вступлением моим были еще другие пожары, в 2-х случаях я

наверное знаю, кто и как, в других не доискался и остался с подозрением и при тех мерах предосторожности против известной личности, которую мне указывали обстоятельства и улики!

Вспылить, продать все и удрать в Москву, Петербург и не знаю еще куда — малодушие и горячка, и если смею советовать, то не продавай, не бросай, а заведи пожарные трубы — хорошие. Купи у Листа, содержи в порядке и страхуй! Кое-когда прорвется, но окончательно все-таки победишь ты, а не мерзавец какой, до которого в Воробьевке можно добраться! Извини меня за мои советы и за выговор мой тебе, но ты меня знаешь довольно, чтобы не усомниться в том чувстве, которое мною руководит, я бы на твоём месте и из Степановки не ушел бы!² Да такой уж ты у меня прыткий да горячий. И люди есть, которым можно поручить ведение хозяйства, дабы не волноваться и не выходить в раздражение! Под твоим руководством человека можно найти, и даже он счастлив будет себя почитать у тебя служить.

Все это говорю тебе сгоряча и не поминая Ольховатки и той грустной утраты, которая тоже вдали отсвечивает в случае продажи родового Грайворонки и благоприобретенной Воробьевки. Сестра с мужем здесь, в конце недели едут или собираются в Симбирск к Зине Нечаевой, осенью вернутся, Бог даст. Я к тебе собираюсь, и Бог даст — соберусь. Поклон Марии Петровне, тебе жму руку и желаю тебе наилучшего, а именно — спокойного трезвого взгляда на заботы и посылаемые Богом <препятствия>.

Преданный тебе И. Новосильцов.

Сестра просит передать сердечный поклон.

На конверте: Станция Коренная Пустынь, с. Воробьевка.

Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: Почтовый вагон № 15, 1 авг. 1884.

¹ Шеино, Богородское, Слободка, Самарка — имения И. П. Новосильцова в Курской и Орловской губерниях. Сведений о пожарах в имениях Фета и Новосильцова не сохранилось.

² После покупки Воробьевки в 1877 г. Фет продал имение Степановка, которое купил в 1860 г. Именно в этом имении он стал помещиком, «хозяйственником», в нем приобрел практический опыт для написания своих статей «Заметки о вольнонаемном труде» (1862), «Из деревни» (1863—1871). Продажа Степановки состоялась не по материальным соображениям; это решение возникло неожиданно, после размолвки с племянницей Ольгой Шеншиной, воспитывавшейся в Степановке. «Ему психологически оказалось необходимо избавиться от Степановки — места его хозяйственных экспериментов, чтобы на новом месте отдохнуть от утомившей деятельности» (Кошелев В. А. «Лирическое хозяйство» в эпоху реформ // Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 47).

28 августа (8 сентября) 1884 г. с. Воин

Московско-Курская ж. д.
Станция Отрада,
Село Воин.
Августа 28. 1884.
Вторник.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, только по губам помазавший своим милым присутствием, и не поел, и не попил и не погулял! По получении твоего письмеца я справился у кучера, отвозившего тебя до Отрады, он получил исправно, но извинялся передо мною, что переспрашивал о телеграфном «квитке» который ты ему дал вместо рублевой бумажки, что пожалуй Аф<анасий> Аф<анасьевич> может подумать, что я как будто на чай просил — помилуй Бог — я только не знал, что мне с квитком делать, доставить ли Вашей милости или там что другое. Я успокоил его и сказал, что взыскал бы, если бы узнал, что мой кучер просит на чай с моих гостей, и взыскал бы строго, но что он хорошо поступил, не поняв значения квитка, переспросить у тебя о его значении.

Ехал ты опять с Сакеном:¹ не завидую — он глуп, как — не скажу сравнения из приличия. Я был у Галаховых² поблагодарить его за посещение и у них вдруг видел его сестру г-жу Мёних, какая милая, вот бы такую соседку иметь вблизи — не соскучился бы в деревне. У меня пошла садка лесная, и я целыми днями, как ты говорил, «кувыркаюсь в лесу».

Итак, кончаю деловым замечанием. Йоост писал Пете в декабре 1883, что у Пети налицо 5000 рублей, которые Йоост обратил в свидетельства восточного займа, коих номер записывает и просит сохранить. Одновременно высылает ему 500 рублей и просит уведомить о получении. Петя по телеграфу и вследствие моей просьбы послал Йоосту следующую депешу, извинение, что не уведомил о получении им 500 рублей, письма и вести о <полученных> наличных 5000 рублях, просит немедленно выслать 1000 рублей на мое имя. Эти деньги уже получил я, вычел уплаченные мною издержки в гостинице, затем уплаченные 100 рублей за 2 месяца вперед в больнице, 100 рублей Чечотту, старшему доктору в руки на исполнение какого-либо желания больного, остальное передал доктору Вагнеру.

Жму тебе руку, прошу передать поклон Марии Петровне и не поминать лихом

преданного тебе сердечно
И. Новосильцова.

Какие это воронные лошади у тебя продаются, сказывал Власенко,³ упряжные что ли и чьего завода?

На конверте: Станция Коренная Пустынь, село Воробьевка.

Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Фету.

Почтовые штемпели: Почтовый вагон № 15, 30 авг. 1884.

¹ Возможно, *Остен-Сакен Петр Николаевич* (1834—1894), сын Остен-Сакена Николая Петровича (1803—1871), барона, соседа Фета по имению Клейменово, владелец имения Лепешкино.

² *Галаховы* — племянница Фета Ольга Васильевна (1858—1947) и ее муж Н. П. Галахов, будущий Орловский вице-губернатор.

³ *Власенко* — управляющий именем Воин.

22

17 (29) ноября 1884 г. Петербург

Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Ноября 17. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,

Сегодня, возвратившись из Царского Села, куда я ездил по случаю пробегаемого мною придворного поприща, я нашел твое письмо или письмецо от 15-го текущего ноября. Само собою разумеется, что я твоего письма на Воине не получил, и оно, вероятно, затерялось, а то я привык не медлить с ответом, тебе эта привычка знакома. Знаю, что ты получил премию,¹ но знаю и то, что я уже слышал (и совершенно случайно от людей совершенно разных занятий и положения), что твой Гораций — из ряду вон выходящий труд, делающий честь России! Вот как. Я радовался, и приходилось только поддакивать. Нету Ювенала;² на днях поеду к Делянову и скажу ему открытыми непрозрачными выражениями, что он дрисня! *Pardon de l'expression toute nue!*^a

О лошадях — полагаю, что вряд ли Власенко может их в нынешнем тяжелом году взять, денег у меня нет — и доходу не только ни единого гроша, но по соображениям, я должен еще в сентябре, т. е. в течение года, выслать 4000 руб. на ведение хозяйства и проч. недостающих! А жить и питаться предоставлено мне как смогу! Много тому примеров подобных знаю! А, вероятно, твои воронье пришились бы мне <дюже>, если не продадут за бесценок на месте и не захочешь повести в Москву — еще может быть потолкуем *mais cela ne Vous engage à rien du tout.*^b

Петю не видал, завтра собираюсь писать Четотту и просить свидания с ним. Напишу, что узнаю. Деньги еще есть. Платежи в порядке. Мой поклон Марии Петровне и сердечное рукопожатие.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

В Орле на почте я был сам (зачем в Орле?), ничего не нашлось на мое имя для передачи сестре, которая из Парижа теперь просит меня тебе об этом сообщить.

На конверте: Москва, Плющиха, № 481.
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину,
в собственном доме.

^a Извините за откровенность выражения (*франц.*).

^b но Вас это ни к чему не обязывает (*франц.*).

Почтовый штемпель: 19 ноября 1884, Москва.

¹ За полный перевод Горация (К. Гораций Флакк. Оды. М., 1856. Кн. 1—4; К. Гораций Флакк / В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883) Академия наук присудила поэту в 1884 г. полную Пушкинскую премию.

² «Сатиры» Ювенала в переводе Фета вышли в 1885 г. Выход этой книги задерживал цензурный комитет, на что, вероятно, Новосильцов и собирался пожаловаться министру народного просвещения И. Д. Делянову.

23

23 ноября (5 декабря) 1884 г. Петербург

С.-Петербург. Дворцовая набережная № 26.
Ноября 23. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сейчас получил письмо твое от вчерашнего числа, отвечаю немедленно, хотя и собираюсь послать письмо послезавтра, для того чтобы дать доктору Вагнеру, моему приятелю, прочесть то, что в письме Чечотта касается платежей за Петю Борисова. Постараюсь принять меры, чтобы не заслуживать впредь каких-либо подобных «замечаний». У Делянова не был, но надеюсь побывать на днях. Сегодня поздравляю тебя с днем рождения¹ и искренно желаю тебе всего хорошего, а главное — здоровья и спокойствия на многие лета. Поклон нижайший Марии Петровне и Галаховым, если сие последние меня помнят. Тютчева² куплю и пошлю от твоего имени сестре с объяснением.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

О Ювенале начинают поговаривать! Ай да молодец ты!

На конверте: Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Москва, на Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) вырезан, 2) 26 ноября 1884, Москва.

¹ День рождения А. А. Фета — 23 ноября (5 декабря) 1820 г.

² Очевидно, речь идет о книге, изданной в 1883 г. «Русским архивом» (Тютчев Ф. И. Стихотворения / С предисловием П. И. Бартенева. М., 1883), и Новосильцов намекает на стихотворение Фета «Вот наш патент на благородство...», которое было откликом на этот сборник.

24

30 ноября (12 декабря) 1884 г. Петербург

С.-Петербург. Дворцовая набережная 26.
Ноября 30-го 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, спешу тебя уведомить, что я сейчас послал своего человека, чтобы получить 100 рублей борисов-

ских денег, которые — когда получу, отдам на хранение моему конторщику, некоему Александру Антоновичу Глиноецкому (Караванная, дом княжны Любомирской), я ему прямо уже поручу аккуратные взносы, которые не совсем аккуратно доктор Вагнер, мой приятель, исполнил, по заявлению Чечотта. Сему последнему сообщу твой адрес при нашем, Бог даст, скором свидании. Днем еще и прежних было довольно, я на днях тебе сообщу счет уплат; я просил на днях Сергия Петровича Боткина замолвить слово Чечотту о Пете Борисове, так же как летом я просил Обермиллера; не мешает, чтобы Чечотт был убежден в том участии, которое принимают в судьбе бедного Петруши сильные мира сего врачи!¹

Делянову и другим сообщал о затруднениях цензуры при разборе Ювенала! Странно, ежедневно печатают всякую мерзость в газетах, а про переводы Ювенала появляется какая-то скромность — необразишь системы! Жду брошюру деревенского жителя² и при ее распространении буду скромно опускать веки, когда меня заподозривать станут в участии ее рождения на свет, — надеюсь, что, прочтя ее, найду ее (и не хочу сомневаться) во многом согласно с моими правилами и убеждениями. Кахановской комиссии³ приходится солоно, и дельцы-писак, здешний оторванный от действительности люд, которые привыкли строчить проекты преобразований и проч. — оказались на мели, когда им прямо заявлено было, что им не поручено как нигилистам — сперва все уничтожить, а потом построить, а приказано кое-что исправить и согласовать, восстановив живую власть в деревне!

Жму тебе руку, сестре пишу, что выслал ей Тютчева по твоему поручению.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

Не можешь ли ты достать экземпляров 10 «Наших корней»?⁴ Хорошо бы. И. Н.

На конверте: Москва, Плющиха, собственный дом.

Его высокоблагородию

Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 30 ноября 1884, 2) Москва, 1 дек. 1884.

¹ В архиве Фета счета уплаты за содержание Пети Борисова в лечебнице не сохранились. Но, учитывая добросовестность и аккуратность Новосильцова во всех делах, казавшихся Пети, можно предположить, что произошло какое-то недоразумение с опозданием в оплате счетов не по вине Новосильцова и Фета.

² Скорее всего, речь идет о статье Фета «На распутии», написанной в конце 1884 г. «Деревенский житель» — псевдоним А. А. Фета.

³ Кахановская комиссия — Особая комиссия для составления проектов местного управления в 1881—1885 гг., председателем которой был *Каханов Михаил Семенович* (1833—1900), член Государственного Совета.

В декабре 1888 г. Каханов держал речь на заседании соединенных Департаментов об итогах работы этой комиссии, указывая недостатки местного управления и пытаясь доказать, что никакие реформы — судебная, крестьянская, земская, университетская — невозможны без начертания общего плана переустройства провинциальных учрежде-

ний. Выяснилось, что Государственный Совет до сих пор так и не имеет необходимого материала для решения таких вопросов, как изменение порядков крестьянского самоуправления, о власти земского начальника и его правах и т. д. (Подробнее об этом см.: Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 2).

⁴ «Наши корни» — статья Фета, опубликованная в «Русском вестнике» в феврале 1882 г. Ее появлению в печати во многом способствовал Новосильцов, передав один экземпляр рукописи статьи на прочтение Александру III. В статье были затронуты темы, которые волновали и Фета, и Новосильцова: социально-экономическая жизнь России 80-х годов после «половинчатых» преобразований, ее материальные и нравственные корни. Подробный анализ социально-экономических воззрений Фета в его публицистике дается в статьях: *Черемисинов Г. А.* А. А. Фет-публицист о хозяйственном строе России // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1993. С. 278—299; *Он же.* Социально-экономический портрет пореформенной России в статье А. А. Фета «Наши корни» // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1998. С. 88—96; *Щербаков В. И.* «К сожалению, много правды»: Александр III и его окружение о статье А. Фета «Наши корни» // А. А. Фет и русская литература. Курск; Орел, 2000. С. 127—132.

25

7 (19) декабря 1884 г. Петербург

Дворцовая набережная № 26.

С.-Петербург, декабря 7. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,

Сегодня получил с почты посылку — «Наши корни» и «Вечерние огни»¹ с твоею надписью, за которую искренно благодарю. Я к тебе собирался писать до получения посылки о высылке книг по почте, хотел тебе сообщить, что денег Пети Борисова у меня налицо — присланные тобою 600 рублей и 400 рублей из тех (1000), которые я получил через Йооста. В этом отношении дело обстоит благополучно, я тебе на днях доставлю подробную выписку взносов, мною сделанных в больницу и проч. Ныне все это, т.е. сохранение денег, своевременные взносы за больничные издержки, если бы таковые понадобились, сдано мною моему конторщику, некоему Александру Антоновичу Глиноецкому (Караванная, дом княжны Любомирской), человеку мне издавна близко известному и заведующему делами моими по опеке над Нечаевыми! Пришлю тебе — для сведения, как и что было мною истрачено, теперь об этом баста. Перейду к Делянову, от которого я только что вернулся, говорил ему о затруднениях по напечатанию Ювенала, попросил его шепнуть Феокистову² об этом и проч., будет сделано. Катков³ пришел во время моего у Делянова сидения, многое толковали, судили, рядили, умница — страстный, и я ему во многом не только сочувствую, но многому радуюсь и преклоняюсь с увлечением! Но хочется мне все-таки сказать, как говаривал Собакевич, один хороший человек... прокурор — да и тот свинья!⁴ Это, пожалуй, не то, но как поговоришь с журналистом, так и чувствуешь в себе собакевичевское настроение! Не люблю я нападки на остзейцев вроде Манасеинской сенаторской ревизии,⁵ так и чувствуются холопские какие-то замашки, не барином действует, а точно ходоком каким-то от «Нового времени» с какой-нибудь фабричной крестьянской сходки. Кахановской комиссии досталось на орехи, всю работу прошлогоднюю разбили вдре-

безги люди, практически смотрящие на жизнь. Дай Бог, чтобы дело пошло на лад.

От Делянова ты, вероятно, получишь скоро весть! Дай-то Бог, чтобы вышло прилично.

Жму тебе руку, жду старого с нетерпением, поклонись Марии Петровне и не забывай

сердечно преданного тебе
И. Новосильцова.

На конверте: Москва, Плющиха, в собственном доме.

Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) вырезан; 2) Москва, 19 дек. 1884.

¹ «Вечерние огни» — сборник новых стихотворений А. А. Фета (вышел в феврале 1883 г.).

² *Феоктистов Евгений Михайлович* (1828—1898) — журналист, историк, публицист, редактор «Журнала Министерства народного просвещения» в 1871—1883 гг., начальник Главного управления по делам печати в 1883—1896 гг.

³ *Катков Михаил Никифорович* (1818—1887) — публицист, издатель, критик, редактор газеты «Московские ведомости», редактор-издатель журнала «Русский вестник». По своим убеждениям непримиримый консерватор, сторонник «твердой власти» и жестких мер по отношению к «нигилистам» и революционерам.

⁴ Неточная цитата из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: «Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья» (т. 1, гл. 5).

⁵ *Манасеин Николай Авксентьевич* (1834—1895) — директор департамента Министерства юстиции с 1877 г. и министр юстиции с 1887 по 1894 г. Приобрел печальную известность своими ревизиями судебных учреждений Прибалтийских губерний. В конечном итоге сделанные преобразования (уменьшение функций вотчинной полиции, ликвидация особого судебного строя в этих губерниях, назначение особого комиссара по крестьянским делам для надзора за волостным общественным управлением крестьян и др.) ставили своей целью укрепление правительственной власти в Прибалтийских губерниях и ослабляли влияние немецкого дворянства. По воспоминаниям графа С. Ю. Витте, Манасеин «в значительной степени проводил так называемые националистические взгляды, которые заключались не в том, чтобы защищать достоинство, интересы и самобытность русских, а в том, чтобы несправедливо давить и не считаться с интересами инородцев. Эта нота понравилась в Петербурге как графу Толстому, так и Александру III, характеру которого она в известной степени была не чужда» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. Л., 1924. Т. 3. С. 249).

26

17 (29) декабря 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая наб. 26.

Декабрь 17. 1884.

Милый друг Афанасий Афанасьевич,

Вчера получил я твое письмо о предложении Дмитрия Николаевича Шеншина¹ — и его рыжих лошадях! Благодарю за то, что ты вспомнил обо мне, но у меня теперь не до покупок и особенно у моего соседа. Корри, хотя и Шеншин, но не заслуживает этого искомого доверия приятельского, с которым я с детства относился к Шеншиным твоего ближнего семейства. Сам я лошадей шорных покупать теперь

не могу, рыжие меня соблазнили бы в русскую упряжь — нечто из ряда вон выходящее, вершков 5 или около. Но и то был бы соблазн, а не покупка. Как тебе известно, доходу у меня ни единого гроша, а расходу на имение 4000, — вот и вертись; живу здесь все-таки не даром, хотя и скромнейше, как может жить холостяк. Жму тебе руку и поручаю тебе повергнуть меня к стопам Марии Петровны.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Москва, Плющиха, в собственном доме.

Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) вырезан, 2) Москва, 19 дек. 1884.

¹ Шеншин Дмитрий Николаевич (Корри) — сын Николая Никитича Шеншина, соседа и дальнего родственника Фета, владельца усадьбы Волково, которая находилась в 12 верстах от Новоселок (см.: Фет А. А. Мои воспоминания. М., 1890. Т. 1. С. 232).

27

27 декабря 1884 г. (8 января 1885 г.) Петербург

С.-Петербург, Дворцовая набережная № 26.

Декабря 27. 1884.

Милый друг, сегодня только два слова о распутии,¹ мною полученном, после поговорю толком, сперва стараюсь усвоить себе все сказанное — есть некоторые места, которые читаются, как бы выразиться? — с вниманием напряженным, с мыслью напряженною — иначе выразить не могу, но ты поймешь, положим, я — справлюсь, но не отвечаю за других, ту цель, которую мы преследуем, легче достигнуть изложением более простым. Не кричи и не брани меня за то, что откровенно говорю. Напиши мне, как понять на 36 странице строку одиннадцатую, считая снизу, — по 2,850 копеек? в Орловской губернии и проч. — что это за 2,850 копеек? Не понимаю. Потом, полагаю, опечатка: на странице 42, вторая строка снизу, одручающим лекарством — полагаю, одуряющим? Напрасно говоришь ты, что французы говорят *grattez le russe, vous trouverez le tartare!*^a Пословица идет от 1806 года: *grattez le russe, vous trouverez l'ours.*^b Жму руку крепко, почитаю, уважаю и люблю.

И. Новосильцов.

Вчера уже заигрывал насчет «Распутья» — найдут ли подход сперва вел<икий> князь Алексей Александрович² — потом уже выше, и все напишу в свое время.

^a поскребите любого русского — вы обнаружите татарина! (франц.).

^b поскребите любого русского — найдете медведя (франц.).

На конверте: Москва, Плющиха, в собственном доме.

Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

В правом верхнем углу помета: нужное.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 28 дек. 1884, 2) Москва, 29 дек. 1884.

¹ Речь идет о брошюре Фета «На распутии. Нашим гласным от негласного деревенского жителя», напечатанной в Москве в 1884 г., в которой Фет рассматривал широкий круг современных политических и экономических вопросов, прежде всего общинного землевладения. Новосильцов читал ее одним из первых и помогал Фету в ее распространении.

² *Алексей Александрович* (1850—1908) — великий князь, брат Александра III, генерал-адмирал (1883), глава Морского ведомства. Как и его брат великий князь Владимир Александрович, был близок к императору, именно поэтому с его помощью Новосильцов хотел обратить внимание Александра III на вышеназванную статью Фета.

28

28 декабря 1884 г. (9 января 1885 г.) Петербург

28 декабря 1884.

Дворц<овая> наб. № 26.

Любезный друг, вчера наскоро наваял тебе письмо с вопросами, сегодня посылаю записку, только что мною полученную от министра народного просвещения, очень рад и только, хотя немного, и тебя порадует, что перевод Горация и посвящение ценятся, и Делянов передавал на днях, что имел случай говорить с е<го> в<еличеством> и что сообщил ему, что после Горация будет Ювенал. К этому я прибавил, что знаю, что Деляновым еще ничего не сделано — не упомянул ни слова о том, что до сего дня не было сказано «спасибо»¹ почитателю такого труда, который красит нас; сказал это Делянову, присовокупил, что, промолчав из чувства деликатности, тем самым чувством руковожусь, передавая ему о том — и вот заахал, замахал руками добрый Делянов, да ведь это мне самый приятный долг <мой> и проч. и вот наконец-то свой приятный долг исполнил. Тебе жму руку дружески, поклон Марии Петровне. Могу тебе сообщить, что цены на хлеб подымутся вскоре — «пора», любопытное время переживаем.

Преданный тебе
А. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

В Москве, на Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) СПб., 28 дек. 1884, 2) Москва, 29 дек. 1884.

¹ О каком «спасибо» идет речь, не совсем ясно. Очевидно, в не дошедшем до нас письме Фета к Новосильцову поэт намекал, что хотел бы получить благодарность от Александра III за посвящение к Горацию.